

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 48

1989

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

СУДЬБА И СОВЕСТЬ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 48

Издается с января 1925 года

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

СУДЬБА И СОВЕСТЬ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Ванда Владимировна Белецкая родилась в Москве. В годы войны была эвакуирована в город Чистополь, где находилась в детском интернате. Затем опять возвратилась в Москву.

По образованию Ванда Белецкая историк, по профессии — журналист. Сразу после окончания Историко-архивного института начала работать в редакции «Огонька». С командировочным удостоверением редакции побывала на Дальнем Востоке, в Сибири, Заполярье, в Средней Азии... В своих очерках она рассказывает о нелегком, порой героическом труде физиков, биологов, астрономов, медиков, историков, экономистов — тех, кто работает на переднем крае советской науки. Многие ученые, о которых она писала в «Огоньке», своим трудом подготавливали перестройку, участвовали в выработке того нового мышления, с которым мы связываем сегодня перемены в стране.

Белецкая — автор очерковых и научно-популярных книг: «Техника и эстетика», «Луч из антимира», «Гордость отечества», «Города науки». Она удостоена звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Книга эта о судьбе двух ученых-физиков — Андрея Дмитриевича Сахарова и Юрия Федоровича Орлова, «узниках совести». И начать ее мне хочется с письма тоже ученого-физика, имя которого стало легендой — академика Петра Леонидовича Капицы. Его письмо Ю. В. Андропову написано после того, как Сахаров был схвачен среди бела дня на улице, взят под стражу и выслан в Горький. Другой герой этой книги — Орлов, осужденный на семь лет лагеря строгого режима и пять лет ссылки, отбывал тогда наказание в Пермской области.

Надо было обладать немалым мужеством, чтобы выделить свой голос из общего хора, клеймящего Сахарова и Орлова как антисоветчиков, и направить в Комитет государственной безопасности такое послание.

«Члену Политбюро ЦК КПСС,
Председателю Комитета государственной
безопасности СССР
Товарищу Ю. В. Андропову

11 ноября 1980, Москва

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович.

Меня, как и многих ученых, сильно волнует положение и судьба наших крупных ученых, физиков А. Д. Сахарова и Ю. Ф. Орлова. Создавшееся сейчас положение можно просто описать. Сахаров и Орлов своей научной деятельностью приносят большую пользу, а их деятельность как инакомыслящих считается вредной. Сейчас они поставлены в такие условия, в которых они вовсе не могут заниматься никакой деятельностью. Таким образом, не приносить ни пользы, ни вреда. Спрашивается, выгодно ли это стране? В этом письме я пытаюсь по возможности объективнее обсудить этот вопрос.

Если спросить ученых, то они решительно скажут, что, когда такие крупные ученые, как Сахаров и Орлов, лишены возможности заниматься нормальной научной деятельностью, это приносит человечеству урон. Если спросить общественных деятелей, которые обычно мало знакомы

с научной деятельностью ученых, то они дадут обратную характеристику созадвшемуся у нас положению.

В истории человеческой культуры со времен Сократа нередко имели место случаи активного враждебного отношения к инакомыслию. Решать объективно поставленный нами вопрос нужно, конечно, в связи с конкретной социальной обстановкой, в которой в данное время находится страна. В наших условиях строительства нового социального строя, я думаю, наиболее правильно опереться на мнение Ленина, поскольку оно будет всесторонним, так как Ленин был не только крупным мыслителем, ученым, но и большим общественным деятелем. Его отношение к ученым в аналогичных ситуациях хорошо известно. Наиболее ясно и полно это видно по его отношению к И. П. Павлову.

После революции инакомыслие Павлова было хорошо известно не только у нас, но и за рубежом. Его отрицательное отношение к социализму носило ярко демонстративный характер. Без стеснения, в самых резких выражениях он критиковал и даже ругал руководителей, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания, и т. д. На все его проявления инакомыслия Ленин просто не обращал внимания. Для Ленина Павлов был большим ученым, и Ленин делал все возможное, чтобы обеспечить Павлову хорошие условия для его научной работы. Например, хорошо известно, что свои основные опыты по условным рефлексам Павлов вел на собаках. В двадцатые годы в Петрограде с питанием было катастрофически плохо, но по указанию Ленина питание павловских собак было поставлено в нормальные условия. Я помню, как мне рассказывал академик А. Н. Крылов, что, встретив Павлова на Каменноостровском, он обратился к нему: «Иван Петрович, могу я вас попросить об одном одолжении?» — «Конечно». — «Возьмите меня к себе в собаки». На что Павлов ответил: «Вы умный человек, а такие глупости говорите».

Я знаю еще ряд случаев, когда Ленин проявлял исключительное внимание к ученым. Это известно из его писем к К. А. Тимирязеву, А. А. Богданову, Карлу Штейнмецу и др. Большое впечатление на меня произвело его отношение к Д. К. Чернову, крупнейшему ученому-металлургу, чьи классические работы по стальным сплавам являются основой современной научной металлургии.

Во время революции Чернову было уже около 80 лет, он был профессором Михайловской артиллерийской академии, генералом и имел придворное звание камергера. Во время гражданской войны он жил на своей вилле в Крыму, который был занят Врангелем. Когда Врангелю пришлось покинуть Крым, он предложил Чернову эмигрировать вместе с ним, но Чернов отказался и остался один в своей вилле в окружении уже теперь Красной Армии. Запросили Ленина: что делать с Черновым? Ленин дал указание всемерно оберегать Чернова, и тогда у его виллы была поставлена специальная охрана из краснофлотцев. Обо всем этом мне рассказал Я. И. Френкель, который тогда был молодым

ученым, коммунистом. Сразу после освобождения Крыма Френкель стал организовывать в Симферополе университет, и он обратился к Чернову как к ученому и попросил помощи. Чернов согласился занять в университете кафедру. Так в результате ленинского мудрого решения возникло сотрудничество в науке между большевиками и камергером двора его величества.

Хочу рассказать еще об одном поучительном случае, происшедшем уже в наше время и связанном с противоречиями, возникшими из-за инакомыслия творческого деятеля. В 1945 г. ко мне в институт приехал Броз Тито. Посещение произошло по инициативе Павле Савича, ученого, физика, который во время войны был атташе по науке в югославском посольстве и в свободное от дел время работал у нас в институте. Сейчас Савич — президент Академии наук в Белграде. Показывая институт и беседуя с товарищем Тито, я спросил его, как он относится к Мештровичу, работы которого я любил, И. Мештрович был учеником Родена и одним из крупнейших скульпторов нашего времени. Тито стал говорить о Мештровиче очень отрицательно. Он сказал, что Мештрович чуждый им человек, так как недружелюбно и резко высказывается против создаваемого в Югославии государственного строя. К тому же он религиозен и дружит с римским папой и т. д. Я стал спорить с Тито. Я говорил ему, что о человеке, достигшем таких творческих высот в искусстве, как Мештрович, не следует судить по стандартной мерке, и привел ему как пример отношение Ленина к Павлову. Тито оказался хорошим спорщиком, беседа велась в повышенном тоне, и мы оба говорили резко. Но внезапно Тито прервал разговор и сказал, что я его переубедил и он решил по возвращении в Югославию изменить свое отношение к Мештровичу.

Затем, как Вы знаете, у нас с Тито произошла большая размолвка, и возвращение к нормальным отношениям произошло уже при Хрущеве. За эти годы у меня тоже были неприятные события, но впоследствии мое положение улучшилось, и мне была дана возможность путешествовать по социалистическим странам. Я сам правил машиной и сперва ездил по демократическим республикам.

В 1966 г., оплатив поездку в Интуристе, я решил поехать в Югославию. На границе Югославии меня приветливо встретили и сказали, что как только я приеду в Белград, меня сразу же хочет видеть маршал Тито. Мы приехали в Белград поздно ночью, но уже в 10 часов утра Тито прислал за нами машину. Первое, что он сказал мне при встрече, было, что он очень благодарен за тот спор в Москве, после которого он изменил свое отношение к Мештровичу, в результате чего и Мештрович стал менять свое отношение к новому строю в Югославии, и оно настолько улучшилось, что он начал активно работать для Югославии. Я помню, что одной из его скульптур был портрет Тесла. Когда Мештрович умер, все его работы были им завещаны Югославии. В Сплите для его скульптур был построен специальный музей, похоронен он там же рядом.

Потом Тито стал рассказывать мне о социальной системе в Югославии, которую он развивал. Тут опять возник спор, в результате которого Тито просил меня посетить несколько заводов в Загребе и сообщить ему свое мнение, что я и сделал.

Когда я покидал Югославию, мне сообщили, что я награжден высшим орденом Югославии — орденом «Югославское знамя с бантом» (*Zastava za lentom*). К этому времени Мештрович уже умер, и он, по-видимому, не знал, почему изменилось к нему отношение. Тито поручил ведущему скульптору Августинчичу сделать мой портрет. Уже в Москве мне сообщили, что портрет закончен и его мне пришлют вместе с орденом, но это задерживается, так как на орден не было от нашего правительства агреман. Тогда я обратился к академику Б. П. Константинову, вице-президенту Академии наук СССР, и он сказал, что после его обращения лично к Вам агреман был дан¹. И действительно, через некоторое время югославский посол в Москве вручил мне скульптурный портрет и орден.

Эти примеры показывают, что к инакомыслящим надо относиться весьма вдумчиво и бережно, как это делал Ленин. Инакомыслие тесно связано с полезной творческой деятельностью человека, а творческая деятельность в любых отраслях культуры обеспечивает прогресс человечества.

Легко видеть, что в истоках всех отраслей творческой деятельности человека лежит недовольство существующим. Например, ученый недоволен уровнем познания в интересующей его области науки, и он ищет новые методы исследования. Писатель недоволен взаимоотношением людей в обществе, и он старается художественным методом повлиять на структуру общества и на поведение людей. Инженер недоволен современным решением технической задачи и ищет новые конструктивные формы для ее решения. Общественный деятель недоволен теми законами и традициями, на которых построено государство, и ищет новые формы для функционирования общества и т. д.

Таким образом, чтобы появилось желание начать творить, в основе должно лежать недовольство существующим, то есть надо быть инакомыслящим. Это относится к любой отрасли человеческой деятельности. Конечно, недовольных много, но чтобы продуктивно проявить себя в творчестве, надо еще обладать талантом. Жизнь показывает, что больших талантов очень мало, и потому их надо ценить и оберегать. Это трудно осуществить даже при хорошем руководстве. Большое творчество требует и большого темперамента, и это приводит к резким формам недовольства, поэтому талантливые люди обычно обладают, как говорят, «трудным характером». Например, это часто можно наблюдать у больших писателей, так как они легко ссорятся и любят протестовать.

¹ В тот год Ю. В. Андропов был секретарем ЦК КПСС.

Но в действительности творческая деятельность обычно встречает плохой прием, поскольку в своей массе люди консервативны и стремятся к спокойной жизни.

В результате диалектика развития человеческой культуры лежит в тисках противоречия между консерватизмом и инакомыслием, и это происходит во все времена и во всех областях человеческой культуры.

Если рассматривать поведение такого человека, как Сахаров, то видно, что в основе его творческой деятельности также лежит недовольство существующим. Когда это касается физики, где у него большой талант, то его деятельность исключительно полезна. Но когда он свою деятельность распространяет на социальные проблемы, то это не приводит к таким же полезным результатам, и у людей бюрократического склада, у которых обычно отсутствует творческое воображение, вызывает сильную отрицательную реакцию. Вследствие этого вместо того, чтобы просто, как это делал Ленин, не обращать внимания на проявления в этой области инакомыслия, они пытаются подавить его административными мерами и при этом не обращают внимания на то, что они тут же губят и полезную творческую деятельность ученого. Вместе с водой из корыта выплескивают и ребенка. Большая творческая работа имеет идейный характер и не поддается административному и силовому воздействию. Как следует поступать в таких случаях, хорошо показал Ленин в отношении к Павлову, о чем я писал вначале. В дальнейшем жизнь подтвердила, что Ленин был прав, когда он игнорировал проявляемое Павловым в социальных вопросах резкое инакомыслие и при этом весьма бережно относился как лично к Павлову, так и к его научной деятельности. Все это привело к тому, что Павлов в советское время как физиолог не прерывал свои блестящие работы по условным рефлексам, которые по сей день в мировой науке играют ведущую роль. В вопросах, касающихся социальных проблем, все высказанное Павловым, уже давно забылось.

Интересно вспомнить, что после смерти Ленина так же бережно к Павлову относился С. М. Киров. Как известно, он не только лично проявлял большое внимание к Павлову, но и способствовал тому, что для его работы в Колтушах была построена специальная лаборатория. Все это в конечном итоге повлияло на павловское инакомыслие, которое стало постепенно затухать.

Как я уже писал, аналогичное изменение в инакомыслии произошло и у скульптора Мештровича после того, как Тито оценил мудрость ленинского подхода к творческой деятельности человека и понял, как нужно разрешать возникающие при этом противоречия.

Сейчас мы почему-то забываем ленинские заветы по отношению к ученым. На примере Сахарова и Орлова мы видим, что это приводит к печальным последствиям. Это гораздо серьезнее, чем кажется на пер-

вый взгляд, так как это в конечном итоге приводит в области развития большой науки к нашему отставанию от капиталистических стран, поскольку это в значительной мере является следствием нашей недооценки необходимости бережного отношения к творческой деятельности большого ученого. Сейчас по сравнению с ленинскими временами забота об ученых у нас в значительной мере уменьшилась и очень часто принимает характер бюрократической уравниловки.

Но чтобы выиграть скачки, нужны рысаки. Однако призовых рысков мало, и они обычно норовисты, и для них также нужны искусные наездники и хорошая забота. На обычной лошади ехать проще и спокойнее, но, конечно, скачек не выиграть.

Мы ничего не достигли, увеличивая административное воздействие на Сахарова и Орлова. В результате их инакомыслие только все возрастает, и сейчас это давление достигло такой величины, что вызывает отрицательную реакцию даже за рубежом. Наказывая Орлова за инакомыслие 12 годами лишения свободы, мы таким путем полностью отстраняем его от научной деятельности, и необходимость такого свирепого мероприятия трудно оправдать. Вот почему оно вызывает общее недоумение и часто трактуется как проявление нашей слабости. Сейчас, например, за рубежом происходит все расширяющийся бойкот научных связей с нами. В Европейском центре ядерных исследований в Женеве (ЦЕРН), в котором работают и наши ученые, сотрудники носят свитера с вытканым на них именем Орлова. Все это, конечно, проходящие явления, но имеющие тормозящий эффект для развития науки.

Известно, что силовое административное воздействие на инакомыслящих ученых существует с древних времен и даже и в последнее время происходило на Западе. Например, известный философ и математик Бертран Рассел за свое инакомыслие дважды был посажен в тюрьму, правда, только на короткие сроки. Но увидев, что это вызывает в интеллигенции только возмущение, а на поведение Рассела никак не влияет, англичане отказались от этого метода воздействия.

Я не могу себе представить, как еще мы предполагаем воздействовать на наших инакомыслящих ученых. Если мы собираемся еще увеличивать методы силовых приемов, то это ничего отрадного не сулит.

Не лучше ли попросту дать задний ход?

Уважающий Вас

П. Л. Капица».

«Задний ход» дан не был. На свое письмо академик Капица ответа не получил...

Разумеется, тогда никто не мог предвидеть тот поворот событий, который произойдет в стране через несколько лет...

ВЗЫВАЮЩИЙ

Кандидатом в народные депутаты академика А. Д. Сахарова выдвинули более 80 организаций страны, в том числе и знаменитый автотавол в Горьком, городе, где до конца 1986 года Андрей Дмитриевич Сахаров находился в ссылке. Я была на многих из этих предвыборных собраний, где одним из первых, а иногда и единственным называлось имя академика Сахарова. Видела до отказа заполненные залы академических институтов и рабочих клубов, слышала шквал аплодисментов, когда к микрофону шел, застенчиво улыбаясь, этот чуть сутуловатый, но такой негибачаемый человек. Я стояла в тысячной толпе на Брестской улице возле Дома кино и вместе с другими жителями моего района, не попавшими в зал, вписывала в список для избирательной комиссии «за Сахарова» и свою фамилию. Сахаровский список был самым длинным, многие сотни москвичей расписались на нем.

Конечно, ни на секунду не сомневалась я в искренности людей, выдвигавших ученого в Верховный Совет страны. Но почему-то упорно всплывали в памяти горькие пастернаковские строки: «И с пылкостью тою же самой, что славили прежде — клянут». Здесь все происходило наоборот: славили того, кого раньше кляли. Однако боль не проходила. Боль за наше общество. Ведь совсем недавно ученого, взывающего к правде, совести, гласности, клеймили в газетах, журналах, по радио, не без обличающего публицистического пафоса называли «отщепенцем», «клеветником», «антисоветчиком». Разве можно журналисту после всего этого писать о Сахарове? Даже если орган печати, где ты работаешь, ни словом не осудил тогда академика... Каждый читатель вправе сказать: «Пиши, пиши, теперь можно».

Пусть о жизни этого удивительного человека расскажут документы — подлинные бесстрастные свидетели. Пусть войдут в этот материал рассказы об академике только тех, кто и тогда, всегда так думал, писал, говорил про Андрея Дмитриевича Сахарова. Но сначала слово ему самому¹.

А. Д. Сахаров: Я родился 21 мая 1921 года в Москве. Мой отец — известный преподаватель физики, автор учебников, задачника и научно-популярных книг. Мое детство прошло в большой коммунальной квартире, где, впрочем, большинство комнат занимали семьи наших родственников и лишь часть — посторонние. В доме сохранялся традиционный дух большой крепкой семьи — постоянное деятельное трудо-

¹ К шестидесятилетию А. Д. Сахарова, когда он был выслан в Горький, его друзья и коллеги подготовили и издали в Нью-Йорке «Сахаровский сборник», где были впервые опубликованы некоторые цитирующиеся в настоящем очерке воспоминания, документы и работы А. Д. Сахарова. Редактор нью-йоркского сборника Александр Бабеньшев. Выполненный с большой любовью и уважением, этот «Сахаровский сборник» стал дорогим подарком ко дню рождения ссыльному тогда ученому.

любие и уважение к трудовому умению, взаимная семейная поддержка, любовь к литературе и науке. Мой отец хорошо играл на рояле, чаще всего Шопена, Грига, Бетховена, Скрябина. В годы гражданской войны он зарабатывал на жизнь, играя в немого кино. Душой семьи, как я это с благодарностью ощущаю, была моя бабушка Мария Петровна, скончавшаяся перед войной в возрасте 79 лет. Для меня влияние семьи было особенно большим, так как я первую часть школьных лет учился дома, да и потом с очень большим трудом сходилась со сверстниками.

Я с отличием окончил школу в 1938 году и тогда же поступил на физический факультет Московского университета. Окончил его тоже с отличием уже во время войны, в 1942 году, в эвакуации в Ашхабаде. Летом и осенью 1942 года несколько недель жил в Коврове, куда первоначально был направлен на работу по окончании университета, затем работал на лесозаготовках в глухой сельской местности под Мелекесом. С этими днями связаны мои первые острые впечатления о жизни рабочих и крестьян в то трудное время. В сентябре 1942 года направлен на большой завод на Волге, где работал инженером-изобретателем до 1945 года. На заводе стал автором ряда изобретений в области контроля продукции (в университете я не сумел включиться в активную научную работу). В 1944 году, работая на заводе, я написал несколько статей по теоретической физике и направил их в Москву на отзыв. Эти первые работы никогда не были опубликованы, но они дали мне то чувство уверенности в своих силах, которое так необходимо каждому научному работнику.

С 1945 года я — аспирант в Физическом институте АН СССР имени Лебедева. Мой руководитель, имевший на меня большое влияние, крупнейший физик-теоретик Игорь Евгеньевич Тамм, впоследствии академик и лауреат Нобелевской премии по физике. В 1948 году включен в научно-исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия. Руководителем группы был Тамм. Последующие двадцать лет — непрерывная работа в условиях сверхсекретности и сверхнапряжения. Все мы тогда были убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире и увлечены ее грандиозностью...

Из характеристики, выданной академику А. Д. Сахарову Физическим институтом АН СССР: «Занимал ряд руководящих должностей — последние годы должность заместителя научного руководителя института. Выдвинутая им и разработанная совместно с И. Е. Таммом в 1950 г. идея магнитного термоядерного реактора легла в основу работ в СССР по управляемому термоядерному синтезу. Трижды (в 1953, 1956, 1962 гг.) он был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Является лауреатом Государственной (1953) и Ленинской (1956) премий. В 1953 г. избран действительным членом Академии наук

СССР. Впоследствии избирался также членом ряда зарубежных академий; является почетным доктором многих университетов.

В 1969 г. вернулся на работу в отдел теоретической физики ФИАН, где ранее проходил аспирантуру, работает сначала в должности старшего научного сотрудника, а ныне — главного научного сотрудника. Им выдвинут ряд основополагающих идей по физике элементарных частиц, космологии, теории тяготения».

Продолжим рассказ Андрея Дмитриевича о своей жизни.

А. Д. Сахаров: В 1953—1968 годах мои общественно-политические взгляды претерпели большую эволюцию. В частности, уже в 1953—1962 гг. участие в разработке термоядерного оружия, в подготовке и осуществлении термоядерных испытаний сопровождалось все более острым осознанием порожденных этим моральных проблем. С конца 50-х годов я стал активно выступать за прекращение или ограничение испытаний ядерного оружия. В 1961 году в связи с этим у меня возник конфликт с Хрущевым. Я был одним из инициаторов заключения Московского договора 1963 года о запрещении испытаний в трех средах (т. е. в атмосфере, в воде, в космосе). Начиная с 1964 года (когда я выступил по проблемам биологии) и особенно с 1967 года круг волновавших меня вопросов все более расширялся. В 1967 году я участвовал в Комитете по защите Байкала.

К 1966—67 годам относятся мои первые обращения в защиту репрессированных. К 1968 году возникла потребность в достаточно развернутом, открытом и откровенном выступлении. Так появилась статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

В советской прессе «Размышления» долго замалчивались, потом о них стали упоминать весьма неодобрительно. Многие, даже сочувствующие критики воспринимали мои мысли в этой работе как очень наивные, прожектерские. Сейчас, спустя тринадцать лет, мне все же кажется, что многие важные повороты мировой и даже советской политики лежат в русле этих мыслей.

Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. 1968 г.

«Разобщенность человечества угрожает ему гибелью... Перед лицом опасности любое действие, увеличивающее разобщенность человечества, любая проповедь несовместимости мировых идеологий и наций — безумие, преступление. Лишь все мирное сотрудничество в условиях интеллектуальной свободы, высших нравственных идеалов социализма и труда с устранением факторов догматизма и давления скрытых интересов господствующих классов — отвечает интересам сохранения цивилизации...»

Три технических аспекта термоядерного оружия сделали термоядерную войну угрозой самому существованию цивилизации. Это огром-

ная разрушительная сила термоядерного взрыва, относительная дешевизна ракетно-ядерного оружия и практическая невозможность защиты от массированного ракетно-ядерного нападения...

Капиталистический мир не мог не породить социалистического, но социалистический мир не должен разрушать методом вооруженного насилия породившую его почву — это было бы самоубийством человечества в сложившихся конкретных условиях. Социализм должен облагородить эту почву своим примером...»

Доктор физико-математических наук Б. Л. Альтшуллер, ученик Андрея Дмитриевича, так рассказывал о нем в 1981 году: О Сахарове я слышал с детства. Помню глупую частушку, которую спел по радио новогодний конференсье 31 декабря 1953 года (трансляция из Колонного зала Дома союзов): «Кто-то там с большим стараньем каблуками стук да стук? Это молодой избранник Академии наук». (Сахаров никогда не танцевал, а академиком стал очень рано — в 32 года). Таким образом он был упомянут среди прочих знатных людей страны. Секретная фамилия при этом, разумеется, названа не была, и тогда я запомнил эту частушку чисто механически. Впоследствии мне объяснили, кто имелся в виду.

Познакомился я с Андреем Дмитриевичем в 1968 году, когда он согласился быть оппонентом моей кандидатской диссертации по общей теории относительности. Мне тогда было 29 лет...

В августе 1969 года мы оказались в одном самолете, направляясь на международную гравитационную конференцию в Тбилиси. Из-за грозы над Главным Кавказским хребтом самолет до Тбилиси не долетел, и мы провели ночь на стульях на аэродроме в Минеральных Водах. Это было очень давно, во всяком случае, в моем масштабе времени. Защита диссертации состоялась в том самом Физическом институте Академии наук СССР (ФИАН), в котором после отстранения от секретных работ стал работать Сахаров. С тех пор почти каждый вторник мы встречались на «таммовском» теоретическом семинаре (Игорь Евгеньевич умер в 1971 году, но название семинара сохранилось).

Отличие Сахарова от многих других в том, что для него никогда не существовало дистанции между убеждением и действием, между словами и главной стратегией жизни. Каждое очередное ядерное испытание вследствие повышения общего уровня радиации в атмосфере Земли влечет за собой в долгосрочном плане тысячи безвестных жертв. По свидетельству самого Сахарова, именно из этих соображений он начал выступать за запрещение испытаний. В стране, где людей не «считали», мысль об этих, никому не известных людях была достаточно «странной», а тем более конкретные действия, этой идеей порожденные. Сахаров же чувствует личную ответственность за трагедию этих людей...

Тезис «людей жалко» лежит в основе всех общественных выступлений Сахарова. Когда стали известны масштабы массовых репрессий прошлых лет, он пережил это как личную драму. Такое не должно повториться. Сахаров никогда не ощущал себя «маленьким человеком», зна-

ющим, что «все равно ничего не изменишь», и в полной мере возлагал на себя ответственность за происходящее. Есть ситуации, когда нельзя быть пассивным. Бездействие — тоже вид деяния и порою весьма опасный. Для Андрея Дмитриевича, насколько я могу судить после многих лет знакомства, такая внутренняя позиция — часть его личности.

Лето 1964 года. Выборы новых членов Академии наук. Один из кандидатов, Нуждин — ставленник Лысенко, бывшего тогда фаворитом Хрущева. Просит слова академик Сахаров: «Пусть за Нуждина голосуют те, кто хочет разделить ответственность за самую позорную страницу в истории советской науки». Сахарова поддержали и Нуждина забаллотировали. Это микропроявление академической независимости имело макроскопические последствия. Лысенко в качестве компенсации «за причиненный моральный ущерб» потребовал у Хрущева, чтобы его выбрали вице-президентом Академии наук. Когда же президент Академии наук М. В. Келдыш разъяснил Хрущеву, что это невозможно, так как голосование в Академии тайное, то последний очень рассердился и заявил, что Академия наук — выдумка царей, и распорядился подготовить постановление о передаче всех академических институтов министерствам и ведомствам. Известно, что про Сахарова Никита Сергеевич сказал: «Сахаров лезет не в свое дело, возражал против испытаний, теперь вмешался в выборы академии», говорят, что при этом он топал ногами и предложил тогдашнему председателю КГБ Семичастному подобрать на Сахарова компрометирующий материал...

Хрущев не прислушался к голосу академика Сахарова. Может быть, нынешние (или будущие) руководители СССР прислушаются к нему?

* * *

Памятная записка А. Д. Сахарова Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу

«...Я высказываю мнение, что было бы правильным следующим образом охарактеризовать общество, к осуществлению которого должны быть направлены неотложные государственные реформы и усилия граждан по развитию общественного сознания:

а) Основной своей целью государство ставит охрану и обеспечение основных прав своих граждан. Защита прав человека выше других целей.

б) Все действия государственных учреждений целиком основаны на законах (стабильных и известных гражданам). Соблюдение законов обязательно для всех граждан, учреждений и организаций.

в) Счастье людей, в частности, обеспечено их свободой в труде, в потреблении, в личной жизни, в образовании, в культурных и об-

щественных проявлениях, свободой убеждений и совести, свободой информационного обмена и передвижения.

г) Гласность содействует контролю общественности за законностью, справедливостью, целесообразностью всех принимаемых решений, способствует эффективности всех систем, обуславливает научно-демократический характер системы управления, способствует прогрессу, благосостоянию и безопасности страны.

д) Соревновательность, гласность, отсутствие привилегий обеспечивают целесообразное и справедливое поощрение труда, способностей и инициативы всех граждан...»

А. Д. Сахаров: После опубликования за рубежом моей статьи «Размышления» я был отстранен от секретных работ и «отлучен» от привилегий советской «номенклатуры». С 1972 года все более усиливалось давление на меня и моих близких, кругом нарастали репрессии, я больше о них узнавал, и почти каждый день надо было выступать в защиту кого-то. Часто в эти годы выступал я и по проблемам мира и разоружения, свободы контактов, передвижения, информации и убеждений, против смертной казни, о сохранении среды обитания и о ядерной энергетике.

Письмо членов Академии наук СССР

«Считаем необходимым довести до сведения широкой общественности свое отношение к поведению академика А. Д. Сахарова.

В последние годы академик А. Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза.

Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей, А. Д. Сахаров пытается оправдать грубым искажением советской действительности и вымышленными упреками в отношении социалистического строя. В своих высказываниях он по существу солидаризируется с наиболее реакционными империалистическими кругами, активно выступающими против курса на мирное сосуществование стран с разными общественными системами, против линии нашей партии и государства на развитие научного и культурного сотрудничества, на укрепление мира между народами. Тем самым А. Д. Сахаров фактически стал орудием враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран...

Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика А. Д. Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого. Мы надеемся, что академик Сахаров задумается над своими действиями.

Письмо подписали 40 академиков, оно напечатано в «Правде» 30 августа 1973 года. А уже 1 сентября в «Известиях» и других газетах публикуются аналогичные письма членов Академии медицинских наук, Академии педагогических наук, Всесоюзной Академии сельскохозяйственных

наук, академий наук союзных республик, наконец, отдельных институтов. Обвинения против ученого выдвигаются поистине чудовищные. Того, кто всеми силами стремился к миру и сотрудничеству, к международной разрядке, обвиняют в развязывании мировой войны, того, кто говорит о правах человека, о свободе, гласности, называют «человеконенавистником».

«Мы уверены в том, что все советские учителя, научные работники педагогического фронта разделяют наше возмущение поведением Сахарова. Это поведение человека, который потерял чувство ответственности перед своим народом, давшим ему образование и предоставившим все возможности для научного творчества. Сахаров своими заявлениями порочит честь и достоинство советского ученого, роднит себя с реакционерами и поборниками войны и утрачивает всякую связь с советским народом и своей Родиной.

Мы решительно осуждаем неприглядную позицию Сахарова».

Так пишут в «Известиях» академики Академии педагогических наук, представители, как они сами называют себя в этом письме, «самой гуманной» профессии.

«Мы, ученые, безраздельно поддерживаем внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза, и нам чужда деятельность А. Д. Сахарова, который своим поведением ставит себя вне рядов советских ученых».

Это уже высказывают свое мнение академики ВАСХНИЛ и ставят точку над «і»: «вне рядов советских ученых».

К ученым присоединяются рабочие, писатели, композиторы.

Позорит звание гражданина.

Ознакомившись с письмом членов Академии наук СССР, опубликованным в газете «Правда» от 29 августа, мы, советские композиторы и музыковеды, целиком присоединяемся к их оценке действий А. Д. Сахарова, направленных против политики Советского Союза по разрядке международной напряженности, и его клеветнических выступлений в отношении социалистической действительности. Не случайно, что реакционная западная печать с восторгом ухватилась за эти антисоветские «откровения».

Мы глубоко возмущены поступками А. Д. Сахарова, не совместимыми с высоким званием советского гражданина и деятеля нашей науки. Его публикации в западной печати позорят честь и достоинство советской интеллигенции, все мысли и чаяния которой всегда неразрывно связаны со строительством нового общества, борьбой советского народа за мир, за расширение научного и культурного сотрудничества со всеми странами.

У нас, представителей советского искусства, всегда верных высоким гуманистическим идеалам сближения и взаимопонимания между народами, единодушно поддерживающих политику нашей Коммунистической партии, поведение А. Д. Сахарова вызывает чувство возмущения и гневного осуждения».

Господи, как жутко сегодня видеть под такими письмами и статья-ми, написанными в «праведном гнев», подписи казалось бы порядоч-ных, уважаемых людей...

«Кому вы служите?» — вопрошает со страниц «Известий» писатель Вадим Кожевников. «За всем этим я вижу истощение научной и творче-ской силы, геростратовское желание сжечь священное чувство Родины, стяжать себе зловонную славу. Иначе — зачем все это?» — вопиет он.

Однако писали тогда о Сахарове и по-другому.

«Странный человек

Я отношусь к той редкой категории людей, которые не любят, даже побаиваются знаменитостей...

Но когда совершенно неожиданно (хотя и с предварительным, ко-нечно, звонком из Москвы) за нашим обеденным столом в Киеве ока-зался застенчивый, немногословный и, главное, ни грамма не приемлю-щий академик (стол к этому, признаюсь, не привык), я сам себе не верил. К тому же несколько озадачен был, почему два крохотных кусоч-ка с таким трудом раздобытой и с таким старанием приготовленной моей женой селедки непременно надо было разогревать.

«Андрей Дмитриевич не любит ничего холодного, — развела руками Люся, его жена. — Ученых без странностей не бывает... И кисель разо-греть придется. И балкон прикрыть».

Прикрыл, что поделаешь.

Да, у Андрея Дмитриевича много странностей. Не только селедка, кисель или полная растерянность у железнодорожной кассы, где кни-жечка Героя Социалистического Труда (трижды!) в момент решает все транспортные проблемы. Вероятно, есть десятка два или три других еще странностей, но есть одна, к которой никак не могут привыкнуть, про-сто понять люди, считающие себя руководителями нашей страны. Этот человек ничего не боится... Ничего! И никого!

Отвага, доблесть, бесстрашие, храбрость, героизм? Нет, все эти пре-красные, возвышенные понятия к Сахарову не применимы. Думаю, у не-го начисто атрофировано это чувство — чувство страха. Может, просто не думает об этом? И на другие дела, поважнее, не хватает времени. Люди, люди, люди. Судьбы...

Я хотел бы, но не имею права причислить себя к числу ближайших друзей Сахарова — редко виделись и склада мы разного (мое обычное «без ста грамм не разберешься» ему, увы, чуждо), к тому же особым че-столюбием или тщеславием я не отличаюсь, и все же... Я бесконечно горд (подчеркиваю эти два слова), что самый благородный, самый чи-стый, самый бесстрашный, добрый и, вероятно, самый ученый (в этом я, правда, не разбираюсь, в школьные годы у меня по физике был репети-тор) ученый человек относится ко мне с благосклонностью и даже про-щает кое-какие грехи.

И еще горжусь тем, что только у меня, единственного на всем зем-ном шаре, есть фотография Андрея Дмитриевича, сделанная лично

мною в Москве, в больнице, фотография, которой нет ни в одном «Лайфе», ни в одном «Пари матче» или «Штерне». И не будет. Она есть только у меня. Стоит на книжной полке. Она по-сахаровски чуть смущенно улыбается мне. Когда я утром просыпаюсь, это первое, что я вижу. И мне становится как-то теплее... Потому что этого великого странного человека я не только люблю, но и не боюсь.

Виктор Некрасов»

В президиуме Академии наук СССР: «Президиум АН СССР рассмотрел вопрос об антиобщественной деятельности академика Сахарова А. Д.

Президиум АН СССР отметил, что академик Сахаров А. Д., несмотря на порицание Академии наук СССР, продолжает осуществлять действия, направленные на подрыв советского строя, на фактическое противодействие проводимой Советским Союзом политике мира, борьбы за ограничение вооружений, за разрядку международной напряженности, политике, пользующейся поддержкой советских ученых и всего советского народа.

Сахаров стал на путь прямого одобрения политики наиболее реакционных, агрессивных империалистических кругов, как, например, сенатора Джексона в США, что объективно содействовало ограничению научных и экономических связей западных стран с Советским Союзом, создавало почву для антисоветской деятельности за рубежом.

Президиум АН СССР осудил действия академика Сахарова А. Д., направленные против интересов нашей страны и советского народа, содействующие нагнетанию международной напряженности, порочащие высокое звание советского ученого». 1973 год, сообщение ТАСС.

В эти дни, тяжело переживая несправедливое осуждение своими коллегами, Андрей Дмитриевич пишет в стенную газету своего родного института ФИАНА полное достоинства и уважения к своим коллегам письмо:

«О моей позиции

Я ознакомился с документом, озаглавленным «Заявление ученых физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР», и хочу воспользоваться предоставленной мне возможностью ответа.

В этом документе утверждается, что я допустил действия, идущие во вред разрядке международной напряженности. Моя позиция изложена в ряде документов. Основные тезисы этих выступлений заключаются в следующем. Я утверждаю, что решение проблемы мирового значения — мира, среды обитания, уровня жизни, свободы, самого сохранения человечества и человечности — возможно лишь на пути глубокого встречного процесса сближения капиталистической и социалистиче-

ской систем. Я утверждаю при этом, что истинная плодотворная разрядка невозможна без создания условий взаимного доверия, открытости, гласности, демократического контроля в обеих сближающихся системах. Эта точка зрения нашла свое отражение и в интервью от 21 августа, упомянутом моими критиками. Интервью имело место через 5 дней после недвусмысленных угроз по моему адресу со стороны заместителя Прокурора СССР. Содержание этого интервью, так же как и всех других моих выступлений, не дает оснований для обвинений, содержащихся в «Заявлении ученых». Я никогда не призываю к ультиматумам, а лишь к пониманию сложности ситуации и предостерегаю от ложных, с моей точки зрения, действий. Я считаю такое открытое выражение мнения в важнейшем международном вопросе своим нравственным долгом, так же как открытые выступления в защиту свободы убеждений, национального равноправия, прав политзаключенных и узников тюремных психиатрических больниц. Я призываю к немедленной политической амнистии и к демократическому решению проблемы свободы выезда. С последним вопросом я обратился также с открытым письмом к Конгрессу США. Но это не было призывом к вмешательству в наши внутренние дела и тем более не было призывом отказаться от разрядки. (...)

Моя позиция встречает понимание и одобрение самых широких кругов почти во всем мире. Лишь в нашей стране была, к сожалению, развязана кампания «осуждения», которая своими чертами дезинформации и мелочных придиорок никак не способствовала росту престижа страны. Эта кампания действительно вредила разрядке. По моему мнению, эта кампания — попросту позор.

В заключение несколько слов о моем выступлении в защиту Пабло Неруды. Я присоединяюсь в этом случае к письму двух выдающихся писателей — Максимова и Галича (моими критиками это обстоятельство замалчивается). Выступление преследовало чисто гуманную цель спасения человека, содержало в себе призыв к терпимости. Тем не менее оно послужило основой для очередной волны дезинформации и брани». (9 октября 1973 г.)

* * *

А. Д. Сахаров: В 1975 году я удостоен звания лауреата Нобелевской премии мира. Это явилось огромной честью для меня, признанием заслуг всего правозащитного движения в СССР. В январе 1980 года я лишен всех правительственных наград СССР (ордена Ленина, звания трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий) и выслан в город Горький, где находился в условиях почти полной изоляции и под круглосуточным милицейским надзором. Этот акт властей совершенно незаконен, это — одно из звеньев усиления политических репрессий в нашей стране в те годы.

МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

(Нобелевская лекция, 1975 г.)

«Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими...

... Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немислимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым основой экономического и социального прогресса. А также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав...

В действительности все главные стороны прогресса тесно связаны между собой, ни одну из них нельзя отменить, не рискуя разрушить все здание цивилизации: прогресс неделим. Но особую роль в механизме прогресса играют интеллектуальные, духовные факторы...»

* * *

Как же прореагировали на присуждение Нобелевской премии своему коллеге советские ученые? Осудили.

Осуждающее заявление подписали 72 члена Академии наук СССР. Однако отказались подписать это позорное заявление всемирно известные физики Петр Леонидович Капица, Виталий Лазаревич Гинзбург, Дмитрий Иванович Блохинцев, классик математики Иван Матвеевич Виноградов и многие, многие другие ученые разных специальностей.

Среди бела дня 22 января 1980 года на улице столицы Андрей Дмитриевич был схвачен и в тот же день без суда и следствия выслан в Горький.

**«Открытое письмо
Президиуму Верховного Совета СССР,
Председателю Президиума Верховного
Совета СССР Л. И. Брежневу**

**Копии этого письма я адресую
Генеральному секретарю ООН и главам
государств — постоянных членом
Совета Безопасности**

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности — об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире, я чувствую ответственность за происходящие трагические события. Я отдаю себе отчет в том, что Ваша точка зрения уже сложилась на основании имеющейся у Вас информации (которая должна быть несравненно более широкой, чем у меня) и в соответствии с Вашим положением.

И тем не менее вопрос настолько серьезен, что я прошу Вас внимательно но отнестись к этому письму и выраженному в нем мнению.

Военные действия в Афганистане продолжаются уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев — не только партизан, но главным образом мирных жителей — стариков, женщин, детей, крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами...

Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля.

Я не буду в этом письме анализировать причины ввода советских войск в Афганистан — вызван ли он законными оборонительными интересами или это часть каких-то других планов, было ли это проявлением бескорыстной помощи земельной реформе и другим социальным преобразованиям или это вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Быть может, доля истины есть в каждом из этих предположений... По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование...

Я также считаю необходимым обратиться к Вам по другому набравшему для страны вопросу. В СССР без малого 63 года никогда не было политической амнистии. Освободите узников совести, осужденных и арестованных за убеждения и ненасильственные действия... Такой гуманный акт властей СССР способствовал бы авторитету страны, оздоровил бы внутреннюю обстановку, способствовал бы международному доверию и вернул бы счастье во многие обездоленные семьи...

Академик А. Сахаров»

* * *

...21 мая 1981 года Андрею Дмитриевичу исполнилось 60 лет.

«Дорогой Андрей Дмитриевич! День Вашего шестидесятилетия омрачен тяжкими судьбами друзей, незаконностью Вашей ссылки, бесменностью стражи у Вашей двери. Вас лишили правительственных наград, лишили научного и человеческого общения, у Вас отняли то, что составляет жизнь Вашей жизни: дневники, память о прошлом и будущем, научные замыслы. Никто, однако, не властен лишить Вас несравненной Вашей правоты и нашей неправительственной любви к Вам. День 21 мая входит в душу как праздник — праздник разума, добра, духовного величия. Вашим повседневным подвигом Россия снова явила миру свою подспудную силу. По словам Льва Толстого, сила духовная бывает подавлена только до тех пор, пока она «не достигла высшей ступени, на которой она могущественней всего». Излучаемая Вами духов-

ная мощь растет и не может быть отнята вместе с бумагами. Словом своим Вы побуждаете людей к деятельному добру. Мысль Ваша бередит и тревожит сердца, овладевает тысячами на свободе и за решеткой, учит думать и ведет с одной ступени сознания на последующую. В праздничный день Вашего шестидесятилетия хочу пожелать Вам, чтобы нравственная мощь взяла верх над грубым насилием, чтобы отнятые у Вас сокровища были возвращены Вам, чтобы Вы и все неправогонимые скорее вернулись домой.

Лидия Чуковская, 1981 г.»

Нет, не оказался ссыльный академик в Горьком оторванным от мира. Приветствие писательницы Лидии Корнеевны Чуковской было не единственным. Его поздравили многие, в том числе художник Борис Биргер, который в разгар травли академика в 1974 году в знак своего восхищения делает прелестный портрет Андрея Дмитриевича с женой, которая в Горьком была рядом со своим мужем и, борясь за его права, за права человека, тоже объявила голодовку. Большую радость доставил ученому и выпущенный к его 60-летию «Сахаровский сборник», о котором я упоминала.

Коллеги из теоретического отдела ФИАНа, не давшие уволить Сахарова из института, добивались (и добились!) возможности посещать его в Горьком. Одним из первых приехал заведующий теоретическим отделом академик Виталий Лазаревич Гинзбург. Вопреки утверждениям прессы и даже Советского Энциклопедического словаря Сахаров «не отошел от научной работы», а трудился в творческом отношении особенно продуктивно, его научные работы того времени частично опубликованы в трудах АН СССР.

Когда Сахаров объявил в Горьком голодовку, Петр Леонидович Капица опять вмешивается в судьбу ученого, посылая отчаянную телеграмму Брежневу, оставшуюся без ответа, так же как его письмо Андропову: «Я очень старый человек. Жизнь научила меня, что добрые поступки никогда не забываются. У Сахарова отвратительный характер, но он великий ученый нашей страны. Спасите его!».

Недавно я беседовала с коллегой Андрея Дмитриевича по теоретическому отделу ФИАНа, членом-корреспондентом АН СССР Е. С. Фрадкиным. Вот что он мне рассказал:

«Я пришел в аспирантуру ФИАНа после фронта, точнее, после демобилизации в 1947 году. Сахарова знаю с 1948 года, — вспоминает он. — Мне было 24 года, Сахарову — 27, но уже тогда среди физиков Андрей Дмитриевич считался знаменитым. Ну а по характеру, по манере общения был почти таким, как сегодня, когда справедливость восторжествовала и академик стал народным депутатом СССР. Он, как золото высокой пробы, прошел проверку славой, унижением, голодом — самыми страшными для человека испытаниями и сохранил себя

как личность. Не озлобился. И даже не осуждает тех, кто подписывал против него гневные послания в газеты и письма, говорит: «Наверное, не по своей воле...»

Он любит людей, старается им помочь, думает о судьбах Родины и науки, об истине.

В Горьком я навещал его много раз. Я был тогда в институте секретарем партбюро и старался, как мог, помогать Андрею Дмитриевичу. Не укладывалось в голову, как можно было во время бурного развития основы естествознания — единой теории всех взаимодействий — изолировать такого выдающегося ученого! Кто знает, сколько научных открытий из-за этого недосчитается наша страна! Мы тогда по отношению к нему четко сформулировали свою точку зрения и не отступали от нее: Сахаров крупный ученый, честный человек и патриот своей Родины.

Помню, я приехал в Горький сразу после его голодовки (Андрей Дмитриевич боролся против несправедливостей всеми доступными ему средствами). Он только-только вышел из больницы. Страшно исхудал. Был подавлен морально. Рассказывал, как ему угрожали...

Что я мог ему тогда сказать? Убеждал — не надо голодать, главное — выжить, сохранить себя для науки, для жизни. Ведь ему было уже 60 лет.

Дни, когда мы в Горьком навещали Андрея Дмитриевича, строились обычно так. С утра до обеда обсуждали научные новости. После обеда он рассказывал о своих научных идеях, делился тем, что сделал. Мозг требовал работы, тренировки. Я слушал его и поражался мощи его мысли, интеллекта, силе духа.

Разговор этот был буквально накануне выдвижения Сахарова кандидатом в народные депутаты.

А на другой день после собрания, где Сахарова выдвинули в народные депутаты, у меня состоялась совсем короткая беседа с самим Андреем Дмитриевичем.

— Ваша программа рассчитана на долгий срок?

— Нет, я говорю в ней только о том, что принципиально важно именно сегодня. Руководство страны поняло, что подход к перестройке может быть только комплексный. Свою программу я рассматриваю как перестроечную.

— Почему на Западе более энергично откликнулись на перестройку, чем внутри страны?

— Убежден, что в стране большинство простых людей за перестройку. Но на Западе уже увидели ее конкретные плоды, а мы еще нет. В этом отношении внешняя политика страны опередила внутреннюю. Ситуация в стране сложная. Перестройка здесь проходит менее энергично и менее последовательно, чем в вопросах взаимоотношений СССР и стран Запада и Востока.

— Справедливо ли постановление Совета Министров о запрещении деятельности некоторых кооперативов?

— Нет. Социальная справедливость нарушена. Постановление отменяет уже принятый ранее Закон о кооперативной деятельности, а также нарушает свободу печати и средств массовой информации.

— Как Вы относитесь к деятельности пресловутого Министерства водного хозяйства?

— Отрицательно. Считаю, что надо немедленно прекратить финансирование Минводхоза, ликвидировать его или перевести на полный хозрасчет. Строительство гидростанций на крупных равнинных реках следует запретить. Если возможно, провести демонтаж уже существующих. Включая и «рукотворные моря» Волжского бассейна, которые превышают площадь Франции.

— Что делать с радиоактивными отходами?

— Подземные захоронения с учетом, чтобы не было соприкосновения с грунтовыми водами. Не хоронить на территории СССР радиоактивные отходы других стран.

— Встречались ли Вы с Михаилом Сергеевичем Горбачевым?

— Первый разговор был в Горьком по телефону. 15 декабря 1986 года нам установили телефон и сказали, чтобы я ждал звонка. В 3 часа позвонил Михаил Сергеевич Горбачев. Сказал, что принято решение о нашем с женой возвращении в Москву. Я поблагодарил и выразил Генеральному секретарю пожелания, чтобы так же, как меня, освободили всех узников совести. Личное же знакомство произошло на Московском форуме и в январе 1989 года во время встречи Михаила Сергеевича Горбачева с работниками культуры.

* * *

Здесь можно было бы поставить точку. Но... Казалось, Нобелевский лауреат, выдающийся ученый-физик, академик А. Д. Сахаров должен в первую очередь быть избран депутатом в Верховный Совет страны Академией наук СССР. Казалось. Но на расширенном заседании Президиума АН СССР тайным голосованием имя ученого было вычеркнуто из списка выдвинутых институтом кандидатов... Невольно думалось: неужели печальная история продолжается и в наши дни? Нужна была долгая борьба, чтобы справедливость наконец восторжествовала.

А. Д. Сахаров: Я не профессиональный политик. И, может быть, поэтому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах. Я воздерживаюсь от конкретных прогнозов, но сегодня, как и всегда, я верю в силы человеческого разума и духа...

Именно эта вера заставила Андрея Дмитриевича Сахарова отозвать свое согласие баллотироваться по всем территориальным и национально-территориальным округам, где он был выдвинут.

«Заявление

18 января на расширенном пленуме Президиума Академии наук СССР были отвергнуты выдвинутые научными коллективами академии кандидаты на выборы и на Съезд народных депутатов СССР, в том числе все кандидаты, известные своей активной общественной позицией и поддержанные многими научными институтами. Тем самым пленум продемонстрировал свою неспособность учесть мнение научных сотрудников академии и по существу противопоставил себя им. Среди отвергнутых кандидатур была и моя, поддержанная более чем 55 институтами.

В последующие недели моя кандидатура была выдвинута на собраниях трудовых коллективов и жителей во многих территориальных и национально-территориальных округах.

2 февраля состоялся беспрецедентный митинг научных сотрудников академии, осудивший позорные решения пленума и призвавший к бойкоту предстоящих выборов, превратившихся в фарс, и к радикальной демократизации руководства академии в соответствии с требованиями перестройки. Митинг проходил с огромным подъемом, в волнующей атмосфере душевного раскрепощения. Мне кажется, он может явиться началом нового этапа в истории академии и науки нашей страны в целом.

Я чувствую себя неразрывно связанным с академией, членом которой являюсь 35 лет. Я пришел к выводу, что должен быть кандидатом именно академии на новых выборах или не быть им вовсе. Поэтому я принимаю решение не баллотироваться нигде, кроме Академии наук СССР, отзывая свое согласие баллотироваться из всех территориальных и национально-территориальных округов, в которых я выдвинут. Я глубоко благодарен всем выдвинувшим меня коллективам и гражданам за доверие и приложу все усилия, чтобы его оправдать, независимо от того, буду ли я депутатом или нет. Я прошу всех оказавших мне доверие понять мотивы моего решения, направленного на поддержку воли научных сотрудников академии. Я призываю всех, кто собирался голосовать за меня, отдать свои голоса искренним и последовательным сторонникам перестройки, доказавшим на деле, а не на словах участие в этом трудном и новом для нас деле.

А. Сахаров».

Мотивы этого решения Андрея Дмитриевича поняли его избиратели. Научная общественность поддержала его принципиальную позицию. Не считаться с мнением масс стало фактически невозможно...

Академик Сахаров, крупнейший ученый, Нобелевский лауреат, совесть народа, все-таки стал народным депутатом СССР от Академии наук страны, как этого требовали и справедливость, и простой здравый смысл.

Что еще добавить к сказанному? После Съезда народных депутатов в стране создана межрегиональная группа, предложившая свою тактику «опережающей политики». «Народ устал ждать реальных перемен», — считает академик Сахаров. Он является сейчас одним из пяти сопредседателей этой межрегиональной группы.

Надаром в его программе говорится: «Цель моей программы: углубление и расширение перестройки, демократизация, плюрализм, правовое государство, социальная и национальная справедливость, эффективная и экологически безопасная экономика, мир и прогресс. Нельзя допустить, чтобы нерешительность и противоречивость в проведении политической, экономической и национально-конституционной перестройки привели страну к углублению кризиса».

УЗНИК СОВЕСТИ

Впервые я услышала о Юрии Орлове в 1963 году. Было это в новосибирском Академгородке. По заданию редакции готовила для «Огонька» репортаж из Института ядерной физики Сибирского отделения АН СССР. Рассказывая мне о работах института, директор ИЯФ(а) академик Будкер высоко отозвался о Юрии Орлове, только что защитившем здесь докторскую диссертацию: «Очень талантливый физик-ускорительщик, с ярким, своеобразным складом ума». Андрей Михайлович Будкер особенно ценил в людях нетривиальность мышления и личную порядочность.

Потом журналистская судьба забросила меня в Армению, писать о пуске Ереванского ускорителя. Среди авторов нового прибора для исследования тайн материи оказался Юрий Орлов, вскоре избранный членом-корреспондентом Академии наук Армении. Перед ним открывалась блестящая научная карьера. За цикл работ по ускорителям его выдвигают на соискание Государственной премии СССР.

И вдруг... шквал разоблачающих газетных статей: «клеветник», «лжеученый», «антисоветчик». Наконец, суд, лагерь строгого режима, высылка...

Однако для самого Юрия Федоровича Орлова этот крутой поворот случился «не вдруг». Он шел к нему осознанно. «Узник совести», — скажут о нем потом. Именно совесть, живая, недремлющая, требовала от него тех поступков, которые он совершил. Один из них — письмо Брежневу. Поскольку оно фигурировало на суде чуть ли не как основной документ обвинения, приведу его полностью.

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Появление этих вопросов было вызвано кампанией против академика А. Д. Сахарова.

1. Наши ученые получают приблизительно $\frac{1}{30}$ Нобелевских премий по фундаментальным наукам. У нас есть и замечательные исследователи, и замечательные результаты. Но Вы должны реалистически оценивать ситуацию в целом. В целом же разрыв в числе и качестве открытий не сокращается. Не считаете ли Вы, что это говорит об опасном интеллектуальном отставании страны по сравнению с другими развитыми странами?

2. Исторические факты таковы, что новая научная и промышленная революция началась и интенсивно продолжается на Западе и что наша государственная философия долго боролась против всех основных направлений современной мысли: теории относительности, квантовой теории, генетики, кибернетики. Теперь эти провалы предпочитают не вспоминать. Однако научная революция далеко еще не закончилась. Причем точные науки продолжают вторжение в такие области знаний, которые наша идеология все еще рассматривает как не подлежащее пересмотру «научное марксистское мировоззрение». Попытки объективного анализа в этих областях рассматриваются как посягательство на государство. Идеологическая нетерпимость такого сорта в целом ограничивает наши способности к сложному мышлению и непредвзятой оценке опыта. Не считаете ли Вы, что по этой причине наше интеллектуальное отставание будет продолжаться и в будущем?

Это не значит, что не следует иметь никакой государственной идеологии. Я глубоко убежден, что и народ, и государство должны исповедовать определенные нравственные принципы. Они давно выработаны человеческим опытом. Это любовь к Родине, и это человеческая совесть, изобретенная и проповедуемая лучшими представителями поколений. Есть еще один принцип, важность которого мы вынуждены понять, если хотим задержаться на черте последнего катаклизма истории. Он состоит в том, что фанатическое следование принципам изменяет сами принципы, что в фанатических отношениях любой принцип должен иметь известную неопределенность толкований и допускать значительную свободу выбора.

Но наша идеология носит совсем другой характер. Она называет себя «научной», что опасно для любой идеологии, так как научные истины способны претерпевать коренные изменения. Это вредно и для науки, которую идеология стремится законсервировать. Что же касается государства, то, поддерживая такую идеологию всеми имеющимися у него средствами, оно попадает в весьма глупое положение.

Не следует ли отсюда, что репрессивный аппарат государства должен быть отделен от этой идеологии; что от детского сада и до Академии наук нас следует освободить от обязательного обучения и послушания принципам, столь ненадежным как с точки зрения научного, так и с точки зрения исторического опыта?

3. Нам незачем отказываться от своего собственного пути развития, в основе которого лежит осуждение частной собственности. Но мы дол-

жны признать, что существуют и другие, параллельные пути, обладающие своими достоинствами. Так, например, западный опыт показал, что проблема «абсолютного обнищания масс» эффективно решается и в рамках современного капитализма — методами науки и технологий и с участием дополнительных факторов: частичный контроль со стороны государства; давление профсоюзной борьбы, осуществляемой в рамках буржуазных свобод; давление общественной совести; страх перед взрывами насилия. Далее мы видим, что капиталистическая экономика научилась использовать «регулирующие стержни» для предотвращения взрывоопасных ситуаций и работает в таком колебательном режиме, который можно считать нормальным. Наконец, нужно признать, что сложнейшие человеческие проблемы, связанные с концентрацией власти в немногих руках, выгодным образом смягчаются и заглушаются у них буржуазными свободами, и это отнюдь не недостаток, тогда как те же проблемы у нас встают во весь рост в весьма откровенном виде.

В то же время видно, что если бы мы жили абсолютно изолированно от внешнего мира, мы не знали бы, что существуют другие устойчивые исторические пути. Более того, нам были бы очень долго неизвестны важнейшие научные истины, так как они лежали бы за пределами идеологического барьера, защищаемого всей мощью государства. И, между прочим, наша идеология казалась бы тем самым «доказанной». По существу, так оно и было до 1953 года.

Учитывая эти исторические факты, не должны ли мы крайне осторожно относиться ко всем вообще теориям и «законам» общественного развития? Не следует ли нам перейти в области государственного управления к осторожному, но активному экспериментальному поиску оптимальных путей, с учетом своих собственных исторически сложившихся идей и особенностей? Это сдерживается сейчас отсутствием гласности и отсутствием свободы дискуссий по любым вопросам экономической и политической структуры нашего общества.

4. Кажется правильным утверждение, что вариант строго регламентированного социализма становится выгодным лишь в условиях принципиальной ограниченности энергетических и других ресурсов, — как альтернатива расточительному свободному капитализму. Однако сейчас можно считать доказанным, что человечеству удастся обеспечивать себя энергией в течение ближайших сотен лет. Не считаете ли Вы, что уже по этой причине регламент не обязателен, и мы можем перейти к почти полной свободе в сфере идей, исключив из этой сферы лишь идеологии насилия и мятежа? Не считаете ли Вы далее, что по той же причине мы могли бы безбоязненно перейти и к гораздо большей свободе проявления личной инициативы также и в сфере производства?

5. Самой крупной ошибкой марксистской теории общественного развития является то, что в теорию не вошли врожденные духовные потребности и качества человека. По существу, марксизм отрицает их наличие в природе человека. Однако это предположение не является до-

казанным научно, то есть методами экспериментальной биологии, биохимии и биофизики. Наука только-только подбирается к этим вопросам. Но наблюдая «крупномасштабные» несоответствия между практикой и марксистской теорией, уже сейчас можно отметить наиболее существенные промахи.

Прежде всего, человеческая мораль и совесть существуют и являются одной из мощных и вечных движущих сил истории. Это свойство возникает у человека вместе с воображением и благодаря способности испытывать боль не только от реальных, но и от воображаемых страданий. Поэтому человек способен страдать, зная о страданиях других. Сам Маркс является человеком именно такого типа, хотя и создал упрощенную схему, не учитывающую этого качества.

Что касается насилия, которому придается такое значение в марксизме, то оно и является движущей силой истории. Однако здесь существует одна важная тонкость. Человеческое насилие отнюдь не всегда является строго закономерным следствием внешних условий, как у животных, но может возникнуть, по-видимому, спонтанно и пойти далее «в разгон». Проблема насилия требует поэтому вечной бдительности его принципиальных противников, какими бы ни были общественный строй и уровень цивилизации.

Далее, потребность свободного, иногда спонтанного выбора решений является внутренним качеством человека. Именно свободный выбор, а не «свобода как познанная необходимость», является истинной свободой. С этой потребностью бессмысленно бороться. Современное государство должно уметь ее удовлетворять, одновременно ограничивая разумными рамками закона.

Потребность иметь и высказывать другим свое собственное индивидуальное мнение также является одной из важнейших внутренних потребностей человека, в особенности когда он сыт.

Не кажется ли Вам, что практикующийся у нас подход к человеку и его месту в обществе примитивен и не соответствует объективно существующим человеческим качествам и потребностям?

6. Согласны ли Вы, что истинная культура неделима и непрерывна? Что наше интеллектуальное отставание в значительной мере объясняется теми опустошительными разрывами, которые мы сами делали в своем тонком культурном слое на протяжении истории? Что интеллект ученого воспитывается научной традицией, и не только научным, но и всем культурным окружением, что ограниченность воображения в искусстве влияет и на воображение в науке?

7. Согласны ли Вы с тем, что мы не изучаем сколько-нибудь серьезно проблему стимулирования крупной хозяйственной деятельности? Что, оставаясь неизменно в рамках общегосударственной собственности, мы могли бы с пользой для дела резко усилить стимулы, переняв западный опыт? Может быть, например, нужно время от времени вводить в отдельных отраслях хозяйства режим свободной инициативы, поста-

вив одновременно оплату труда руководителя в зависимости от прибыли и определяя круг отраслей, вводимых в такой режим, в зависимости от текущей конъюнктуры. Однако ясно, что самое главное — это иметь возможность свободно обсуждать любые идеи в этой области. Согласны ли Вы с этим?

8. Возможно, некоторых догматиков будут шокировать различные предложения «частичного капитализма без частной собственности» или чего-нибудь в том же роде. Но, во-первых, наш главный принцип — отсутствие частной собственности — будет сохраняться. А во-вторых, я вынужден заметить, что в нашей стране социализм принимал на практике черты даже не «феодализма без частной собственности», а — при Сталине — рабовладельчества без частной собственности. В самом деле, чем являлись миллионы лагерников или шарашные ученые, если не государственным рабами? Чем отличается беспаспортный колхозник от общинника — в смысле своих прав? Что такое наша теперешняя система прописок, если не феодальное ограничение свободного передвижения по территории страны? Создается впечатление, что наш народ до сих пор еще не научился мыслить нефеодальными категориями в области правовых отношений. Разве не пора нам перейти на другой, более современный уровень более свободных отношений?

9. Одна из наиболее быстрых возможностей выравнивания интеллектуальных потенциалов между странами заключается в отмене запрета на свободные поездки за границу. Речь идет о поездках, совершаемых в тот момент и на столько времени, когда и насколько это необходимо ученому, инженеру, студенту, писателю, художнику и любому гражданину. Каков смысл этого невыгодного государству и унижительного для граждан запрета?

10. Один из пережитков истории в нашем сознании состоит в том, что мы никому и ни в какой мере не разрешаем критиковать ЦК. В этих условиях приходится признать, что передача критических работ за границу с тем, чтобы они сложным путем дошли обратно до ушей правительства, — это единственный легальный канал «обратной связи» для внутренней политики. Разве никто в ЦК не понимает всей нелепости этой ситуации?

11. Наш способ политического управления является типичным режимом без обратной связи. В сущности, мы соревнуемся с капитализмом, поставив сами себя в наиболее невыгодные условия: не используем всех возможных стимулов и всех каналов обратной связи, не доверяем собственным согражданам. Мы избежали бы многих ошибок и бедствий, если бы предоставили народу на первых порах хотя бы совещательный голос, не формально, а на практике, и обратились бы, например, к испытанному методу обратной связи — свободной печати, то есть печати без политической и идеологической цензуры, с указанной выше оговоркой. Не кажется ли Вам, что в стране возникли сейчас некоторые на-

пряжения, которые могли бы быть легко и безболезненно сняты отменной цензуры, если, однако, провести ее вовремя?

12. Любая критика ЦК рассматривается как преступление. Поэтому люди либо «колеблются вместе с партией», либо отбрасываются к барьеру жестокой борьбы. Вы знаете, конечно, что сейчас обнаруживается хотя и малое, но растущее число людей, которые отброшены к этому барьеру. Эта «логика борьбы» навязывается самой властью. Я спрашиваю, какой в этом смысл? Не разумнее ли нам к концу XX века и через 60 лет после революции создать наконец нормальные промежуточные ступени взаимоотношений между гражданином и государством? Я подразумеваю снова и прежде всего как первый шаг — отмену цензуры печати, свободный обмен информацией, гласность.

13. Вы, очевидно, понимаете, что сажать оппозиционеров в психдома и калечить их там уколами — это мерзость вроде стерилизации политических противников в нацистском рейхе. Здесь мне, в сущности, не о чем спрашивать.

С уважением

Ю. Орлов 16/IX—73 г.»

Сегодня мысли, высказанные в этом письме, никого не удивляют. На митингах, собраниях, с трибуны Съезда народных депутатов, на заседаниях сессии Верховного Совета СССР звучат речи и похлестче. Но тогда, в 1973-м, Орлов понимал, сколь они опасны. И все-таки он задает свои вопросы, не очень-то рассчитывая на ответ. Ответом оказались суд, тюрьма, ссылка.

Признаюсь, когда я читала запись судебного процесса над Юрием Орловым, мне казалось, что такого просто не может быть. Взять хотя бы этот диалог прокурора и подсудимого.

Прокурор: Подсудимый Орлов, вам инкриминируется изготовление и распространение письма к Л. И. Брежневу. Вы сами его изготовили?

Подсудимый: Я написал письмо Брежневу.

Прокурор: Кому вы передали это письмо?

Подсудимый: Я послал это письмо по почте Брежневу и в редакцию газет «Правда» и «Известия».

Прокурор: Кому вы еще передали это письмо?

Подсудимый: Я дал это письмо начальнику отдела кадров Института земного магнетизма ионосферы и распространения радиоволн Яншиной и показал его директору института В. В. Мигулину, так как это письмо служило настоящей причиной моего увольнения из института).

Тщетно пытается Орлов доказать то, что он не называл рабовладельческим наше сегодняшнее общество, а лишь указывал, что при Сталине с 1934 по 1952 год до 20 миллионов человек в стране были заняты принудительным трудом, что он не отождествлял наше общество с фео-

дальным, хотя трудно отрицать, что прикрепление к колхозам, когда крестьянам не выдавали на руки паспорта, есть пережиток феодализма.

Напрасно подсудимый требовал огласить на суде его письмо к Брежневу, чтобы прояснить ситуацию. Ответ однозначен: «Суд знаком с содержанием «Письма». Суд не нуждается в его оглашении».

В конце судебного процесса в своей защитительной речи Орлов скажет: «Известно, что с теми, кто обращается с жалобами в свое правительство, у нас обходятся жестоко. Конечно, бывают назойливые жалобщики. Но я не понимаю — почему, даже если в самом деле они и назойливы, их отправляют в психиатрические больницы? Какой же тогда у человека способ обратиться к своему правительству? Мое письмо Брежневу дошло, вероятно, всего лишь до районного отделения КГБ или уж самое высшее — до городского».

Прокурор и судья так отреагировали на слова Орлова: «Голословное заявление! Голословное заявление!»

К суду я еще вернусь. Но чтобы было понятно поведение Юрия Федоровича Орлова, попытаемся кратко пройти его нелегкий жизненный путь до мая 1978 года, когда он был осужден.

* * *

Он родился в августе 1924 года в Замоскворечье. Отец — шофер и слесарь. Мать — рабочая завода. В детстве тяжело болел. Осложнение — паралич ног. Мог бы остаться на всю жизнь инвалидом, если бы не бабушка Пелагея. Приехала, забрала внука к себе в деревню под Смоленск, стала лечить травами, парным молоком, заботой, лаской.

Долгих два года выхаживала она внука, смыленного, ласкового, рыжего, как его мать, и выходила. В четыре года встал Юрка на ноги, а к школе забыл и думать про болезнь.

Учился в Москве, на Полянке. В 33-м умер отец от туберкулеза. Вошел в дом отчим, тоже рабочий, человек справедливый, добрый. Юра принял его как отца. Но сиротство, казалось, шло за семьей по пятам. Отчим погибает на фронте в начале войны...

После 8-го класса Юрий идет на завод Орджоникидзе токарем. Эвакуируется на Урал. Завод теперь выпускает танки, знаменитые «Т-34», для которых токарь Юрка Орлов тачает подвески и страшно гордится, что помогает фронту.

Достигнув призывного возраста, Юрий поступает в артиллерийское училище. Здесь он становится кандидатом, потом — членом партии.

Повоевать на 1-ом Украинском фронте ему приходится недолго — близка долгожданная победа.

Армейская служба в Чехословакии, Венгрии, потом на Северном Кавказе. Он много читает. Открывает для себя труды Ленина. И однажды ошарашивает ведущего политзанятия: «У нас в стране не диктатура

пролетариата, а диктатура бюрократии!» Эту историю удастся «замять», и Орлов благополучно демобилизуется.

Снова родное Замоскворечье. Юрий устраивается на фабрику «МЮД» — «Международный юношеский день», где работала мать. Днем работает, вечером учится в 9-м классе. Экстерном сдает за 10-й.

И вот — он студент МГУ! На факультете преподают Капица, Ландау, Лаврентьев... Цвет советской науки. Юрий попадает в семинар к Андрею Михайловичу Будкеру, в новосибирском институте которого в 1963-м защитит докторскую...

Аспирантура. Его зачисляют на работу в Институт теоретической и экспериментальной физики, в знаменитый ИТЭФ, которым руководит академик Алиханов, вместе с Курчатовым работавший над пуском первого атомного реактора, созданием атомной бомбы...

Смерть Сталина. Потрясший наши души XX съезд партии. «Закрытый» доклад Никиты Сергеевича Хрущева знают не только члены партии. Доклад ходит по рукам, о нем говорят, спорят. Это главное событие духовной жизни страны. Ему обязан и своим пробуждением молодой физик Юрий Орлов.

Выступление Орлова на институтском партсобрании, посвященном XX съезду партии, до сих пор вспоминают ветераны института. Орлов требовал создать гарантии, чтобы культ личности не мог повториться. Требовал гласности, необходимости демократизации общества, говорил о том, что социализм сталинского типа должен уступить место «демократическому социализму».

С позиций сегодняшней перестройки — все верно, но... Орлова исключают из партии, увольняют с работы...

Мне удалось разыскать участника того институтского партсобрании, более чем тридцатилетней давности, столь печально закончившегося для Юрия Орлова.

— Тогда многие выступавшие пострадали, — вспоминает Алексей Иванович Зубков, ветеран института, «мастер — золотые руки», как охарактеризовали мне его сослуживцы, один из тех умельцев, что доводят до ума идеи физиков, воплощают их в приборах. — Я сорок семь лет в партии, но более бурного собрания не припомню. Вел его начальник политотдела (тогда так у нас было), но собрание «пошло в разгон», как говорим мы, реакторщики, стало неуправляемым. Вот тогда-то и поставил Юрий Орлов вопрос о том, чтобы в резолюции записать — просить ЦК партии собрать очередной съезд для выработки гарантий против культа личности.

Начальник политотдела из нашего министерства стал обрывать выступающих, поправляя их на основании якобы ленинских трудов. А Орлов: «Не надо искажать идеи Ленина!» Он увлекался тогда ленинскими работами. Много наизусть знал. Сам был членом партбюро.

Начальник обиделся: «Я семнадцать лет в партии! Вы еще молодого меня учить». Орлов и скажи: «17 лет в партии, а ничему не научился!»

Этим он и погубил себя. Не знаю, что о нашем собрании написали в ЦК. Знаю только, что на следующий день нашу парторганизацию распустили, а у четырех из выступавших — Орлова, Щедрина, Нестерова, Авалова — отобрали партбилеты и уволили их из института. Публикация в газете появилась: «Отщепенцы» понесли наказание»...

Как отнесся коллектив? Жалели их все. Ведь не мы их исключали, обошлось без нас. Завели в комнату, заставили выложить партбилеты, и вся недолга.

Мы удивились, почему так получилось. Ведь ребята были «за Хрущева». Однако теперь, думаю, это и ему не понравились требования «гарантии» против культа личности. Сам он к этому шел...

Потом мы узнали, что начальство в министерстве само смертельно перепугалось. Такое же резкое, «неправильное» собрание было и в Курчатовском институте. Но Игорь Васильевич сам членом ЦК был, никого из своих физиков не дал тронуть.

Наш Алиханов тоже заступался за ребят. По телефону говорил с нашим Хрущевым, просил за нашу четверку, ссылаясь на их молодость, на талант.

Хрущев его одернул: «Ничего себе «талантливые дети» — доктора и кандидаты наук! Должны отвечать за свои поступки!»

Академик Алиханов тогда сильно нервничал. Может быть, потому и болеть начал. Сердце... Умер-то он от инфаркта...

* * *

В то время, когда работа физиков была столь необходима для прогресса страны, Юрий Орлов стал безработным.

Жил частными уроками, но наукой занимался по-прежнему. Место работы теоретика — его письменный стол, формальное увольнение из института не в силах прервать течение созидательной мысли. Да и из друзей-физиков никто, к счастью, от него не отвернулся. Все старались помочь, публиковали его научные статьи.

Когда страсти чуть поутихли, академик Алиханов рекомендовал Юрия Федоровича своему брату — Алиханьяну, возглавлявшему Ереванский физический институт. Да, собственно, Орлов и не нуждался в рекомендациях, труды его физики-ускорительщики прекрасно знали.

Пятнадцать лет проработал Юрий Федорович в Армении, дождался запуска Ереванского ускорителя. Казалось, жизнь ученого вошла в обычную колею...

Однако «наверху» прегрешения Орлова не забыли.

Избрание его членом-корреспондентом вызвало гром и молнии на голову Алиханьяна. Как и брат, Артем Исаакович попадает в опалу, у него участились сердечные приступы.

Помню, я навещала его в московской больнице, приносила на подпись беседу с ним о первых работах на новом Ереванском ускорителе. Артем Исаакович уже был не директор института, жаловался на бесконечные придирки. Он торопился высказать свои взгляды на научные школы, на развитие физики элементарных частиц, напутствовал своих молодых учеников. Словно чувствовал, что «огоньковская» публикация станет последней в его жизни...

Орлов перебрался в Москву и снова стал безработным. Теперь ему психологически было куда труднее, чем в 1956-м году. Ушел заряд молодости. Хотелось высказать надуманное, наработанное, а приходилось опять давать частные уроки, чтобы заработать на жизнь. Если в молодости уроки приносили относительное материальное благополучие в семью, то теперь они относились откровенно в тягость, отрывали от главного дела жизни — науки.

Ректор МГУ Иван Георгиевич Петровский пытался устроить Орлова читать лекции. Не получилось.

Наконец, в 1972 году академикам Арцимовичу и Сагдееву удается рекомендовать его в Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР (ИЗМИРАН).

Но через год неугомонный Орлов опустит в почтовый ящик свое письмо Брежневу. Теперь он останется без работы всерьез и надолго...

Всегда Юрий Федорович Орлов болезненно переживал любую несправедливость, всегда принимал чужую боль близко к сердцу, как собственную. Даже ближе. Так уж он устроен. Чужое горе для него мгновенно становилось своим. Потому-то так страстно вступается он за подвергающегося травле академика Сахарова, протестует против изгнания Солженицына, против использования психиатрических больниц в политических целях. Он входит в так называемую московскую группу содействия выполнению Хельсинкских решений о правах человека. Вступаясь за всех несправедливо осужденных, Юрий Орлов становится узником своей совести еще задолго до судебного приговора.

А наука? Неужели уволенный отовсюду физик с мировым именем действительно прекратил научные исследования, принеся их в жертву правозащитной деятельности?

Движение мысли, как и движение души, не остановишь. Орлов продолжает работать. Правда, в штат ни одного физического института его не берут, несмотря на рекомендации известных ученых. До Москвы доходит горькая фраза академика В. А. Амбарцумяна: «Бывают случаи, когда и президент Академии наук республики бессилён».

Но все-таки изредка удастся публиковать научные труды, иногда под псевдонимом «Ю. Федоров». Несколько работ напечатано за рубежом. В течение нескольких лет, вплоть до ареста, в квартире Орлова регулярно собирается руководимый им научный семинар.

10 февраля 1977 года его арестовывают.

Суд над Ю. Ф. Орловым шел три дня, с 15 по 18 мая 1978 года. Его жена Ирина Валитова-Орлова вместе с сыновьями Орлова пытались вести запись процесса. Но в самом начале суда у них отобрали магнитофон, не давали вести записи. Запрещали выходить на улицу во время перерывов. Запрещали подходить к окнам. Подвергали унижительным личным обыскам.

Поэтому запись суда воссоздана по памяти. Они вели записи сразу же, едва кончалось заседание, по горячим следам. Вот что писала Ирина 1 августа 1978 года: «Суд намеренно велся так, чтобы затушевать и суть, и смысл дела Орлова, и многие эпизоды судебного разбирательства... стали мне понятны лишь во время первого (и пока единственного со дня ареста) свидания с мужем 21 июня 1978 года. Только под угрозой голодовки Орлову удалось добиться у начальства Лефортовской тюрьмы одного свидания со мной и одного с сыновьями (по 40 минут каждое).

На свидании муж сказал, что с самого начала следствия ему грозили предъявить статью (измена Родине и шпионаж), утверждая, что Орлов получил инструкции от **Конгресса США!**».

Обвинение это было столь нелепым, что на суде не фигурировало, зато усиленно муссировалось, что Орлов «туняедец», давно не работает как ученый.

«Судья: Подсудимый, где вы работали с 1974 по 1977 год?

Подсудимый: Я профессиональный ученый, физик, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Армянской Академии наук. Я занимался наукой вплоть до ареста. Мое место работы — мой рабочий стол...

Судья: Отвечайте суду, а не публике! У вас есть последняя служба?

Подсудимый: По уставу Академии наук ученый не обязан быть служащим. Я занимаюсь наукой независимо от того, нахожусь я на службе или нет.

Судья: Отвечайте на вопрос, где вы работали с 1974 года?

Подсудимый: Я писал научные статьи, публиковал их. Одна из них опубликована в этом году...

Судья: Назовите ваше место работы!

Подсудимый: ...а кроме того, я работал на общественных началах в Ереванском физическом институте».

В материалах суда находился список научных статей Орлова и справка с подписью заместителя начальника отдела кадров Г. Узунина о том, «что он (Орлов) действительно работает в Ереванском физическом институте в должности СНС (старшего научного сотрудника) на общественных началах». Но, главное, суду были известны как все попытки Орлова устроиться на работу, так и то, почему его никуда не брали.

А ведь научную работу Орлов продолжал даже в Лефортовской тюрьме под следствием! Ирина Валитова записывала: «Осенью 1978 года, в пору изнурительных допросов, длившихся с 11 утра до 7 часов вечера, Орлов сделал три научные работы: одну по физике и две по математической логике. Адвокат говорил мне, что тюремное начальство не разрешает послать эти работы в научные журналы для публикации. Об этом же Орлов сказал мне на свидании. В частности, он собирался требовать, чтобы одну из этих работ разрешили послать в Институт теоретической физики имени Ландау. «К сожалению, — добавил он, — в лагере у меня не будет возможности заниматься наукою. Но я все равно буду думать».

«В Московский городской суд: судье ЛУБЕНЦОВОЙ
В Московскую прокуратуру: прокурору МАЛЬКОВУ
В Московскую коллегия адвокатов: адвокату ШАЛЬМАНУ

Сегодня начинается судебный процесс над Юрием Федоровичем Орловым. Нас, нижеподписавшихся, вызывали в ходе следствия в качестве свидетелей по его делу, но как непригодных для участия в разгрываемом обвинением постыдном спектакле, на суд не вызвали. Подтверждая свой отказ отвечать на вопросы, к судебному делу относиться не могущие, если не явно провокационные, и тем самым косвенно поощрять уголовное преследование за правозащитную деятельность в рамках закона, мы в то же время заявляем о своей готовности всячески содействовать выяснению истины в качестве свидетелей на суде. Имея основание считать обвинения, выдвинутые против Юрия Федоровича, клеветническими, а следствие — предвзятым, настаиваем на своем конституционном праве присутствовать на суде, объявленном открытым. Каждый из нас имеет честь считать себя другом Юрия Федоровича, но никто не является его родственником и не может быть отведен от участия в процессе по мотивам личной заинтересованности.

15 мая 1978 года

Юрий Гастев
Леонард Терновский
Владимир Корнилов
Юрий Гольфанд
Глеб Якунин
Виктор Капитанчук
Александр Подрабинек
Татьяна Великанова
Александр Лавут»

Излишне говорить, что никто из них, как и другие свидетели защиты, на суд не был вызван.

Я встретила с защитником Орлова Е. С. Шальманом. Разыскать его, адвоката с тридцатилетним стажем работы, было нетрудно. Евгений

Самуилович живо откликнулся на мой телефонный звонок. Уже на другой день мы беседовали с ним в редакции «Огонька».

— До суда я не был знаком с Юрием Федоровичем. Впервые увидел его в Лефортовской тюрьме. Узнав, что я буду вести его защиту, особой радости не проявил, отнесся спокойно, но доверительно. На меня произвел впечатление человека очень собранного, целеустремленного и в то же время мягкого, даже тихого. Знаете, о таких говорят: он человек тихий. Так вот, Орлов, о котором кричала советская и зарубежная пресса, показался мне именно «тихим». Голоса за время следствия он ни разу не повысил, был неизменно вежлив. Однако за внешней мягкостью угадывалась железная стойкость.

С самого начала ему было предложено покинуть страну, но он предпочел суд. А когда я заикнулся, что может так будет для него лучше, сказал с обескураживающей застенчивой улыбкой: «Нет, пусть, как будет. Чего уж теперь...»

Два месяца я ежедневно встречался с ним в Лефортовской тюрьме. До суда Орлов провел в заключении больше года, пока шло следствие. Дежурный приводил его в кабинет следователя, он быстро здоровался, и мы приступали к работе. Ни на что он не отвлекался, не терял ни минуты, не вел «посторонних» разговоров, был равнодушен даже к обеду, что редко бывает у заключенных. О питании коротко заметил: «Здесь неплохо».

Что сказать о суде? Практически судебного процесса, как его принято понимать, не было. Суд считался открытым, но в зале сидели люди, которых ежедневно подвозили к зданию на автобусах и так же организовано увозили.

С самого начала дело было предreshено. Процесс фактически только закрепил выставленные обвинения. Все ходатайства, и мои, защитника, и подсудимого, не были удовлетворены.

Как к адвокату в процессе расследования дела ко мне поступали письма и телеграммы в защиту Юрия Орлова. Писали и звонили его советские и зарубежные коллеги — ученые, мои коллеги — советские и зарубежные адвокаты. За границей шла большая кампания в поддержку Орлова. Его хотел защищать знаменитый английский адвокат Джон Макдональд, но его, естественно, до защиты не допустили. У меня сохранились его письма. Возьмите, это от седьмого марта 1978 года.

«Многоуважаемый коллега!

Ирина Валитова нам сообщила, что Вы оказываете Юрию Орлову помощь в его подготовке к суду. Ирина Валитова просила даже меня оказать помощь ее мужу.

Мой долг Вам сообщить, что по крайней мере 17 человек сделали заявления по делу Орлова и хотели бы дать показания на суде. Я глубоко убежден в том, что Вы хотели бы иметь наиболее полную информа-

цию с тем, чтобы передать ее профессору Орлову, а также в соответствующие инстанции с тем, чтобы избежать недоразумений на суде.

Самое правильное, конечно, было бы нам встретиться. Я готов приехать в Москву немедленно, если Вы этого захотите.

В противном случае я мог бы сделать все для Вашего приезда сюда, в Лондон. Сообщите мне, пожалуйста, когда Вы хотели бы приехать.

Мне хотелось бы добавить, что западная печать все сильнее высказывает беспокойство по поводу дела Орлова. Было бы легче отвечать на их вопросы, если Вы прислали бы мне полные данные, касающиеся обвинений, вменяемых Юрию Орлову.

Искренне Ваш Джон Макдональд
Лондон, 7 марта 1978 г.»

— Евгений Самуилович, но ведь Орлов отказался от защиты и вы на суде не выступали. Почему? — спрашиваю я Шальмана.

— Думаю, потому, что Юрий Федорович понимал, что дело его предрешено и любая защита ни к чему не приведет. Когда мы вместе готовились с ним к суду, я от души старался ему помочь, все время думал о нем, о его судьбе. Но, оказывается, он тоже думал о моей судьбе, потому и решил отказаться от моей защиты. «А как же быть с вами?» — говорил он, боясь мне повредить.

Накануне суда мы заключили соглашение: перед речами он от меня откажется и будет вести свою защиту самостоятельно.

Суд освободил меня от защиты. А в перерыве меня вдруг втолкнули в какую-то комнату и там заперли, видно, не обратив внимания, что на столе стоит телефон. Я немедленно набрал номер председателя Московской городской коллегии адвокатов Константина Николаевича Апраксина и сказал, что меня заперли.

— Безобразие, — проворчал он. — Подождите секунду...

Не знаю, звонил ли он кому, но через несколько минут дверь открыли. Я спустился и хотел идти домой, но тут мне разрешили вернуться в зал. В перерыве подошел к своему знакомому из коллегии адвокатов, который был обязан присутствовать на суде, Михаилу Павловичу Козину. Он был явно расстроен: «Ох, Женя, не суд — позорище!»

Дело № 10/78 ПРИГОВОР¹

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

18 мая 1978 г.

г. Москва

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в составе:

¹ Дается в сокращении.

председательствующего Лубенцовой В. Г.,
народных заседателей Лебедева А. Н., Цветкова Г. Н.,
при секретаре Осиной В. И.,
с участием прокурора Емельянова С. А. и
адвоката Шальмана, который в связи с отказом подсудимого Орлова
в конце судебного следствия освобожден от участия в процессе в поряд-
ке ст. 50 УПК РСФСР, рассмотрела в открытом судебном заседании де-
ло по обвинению:

ОРЛОВА Юрия Федоровича, 13 августа 1924 года рождения, уро-
женца города Москвы, гражданина СССР, русского, беспартийного,
с высшим образованием, женатого, ранее не судимого, с начала 1974 го-
да нигде не работавшего, проживающего по адресу: Москва, улица
Профсоюзная, дом 102, корпус 7, квартира 1,
в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 70
УК РСФСР.

Изучив материалы судебного следствия, выслушав судебные прения,
последнее слово подсудимого, судебная коллегия по уголовным делам

Установила:

Подсудимый Орлов признан виновным в том, что он, будучи вра-
ждебно настроен к существующему в СССР строю, в 1973—1977 годах
в городе Москве занимался антисоветской агитацией и пропагандой,
в целях подрыва и ослабления Советской власти распространял клевет-
нические измышления, порочащие советский государственный и об-
щественный строй, в тех же целях систематически изготовлял и распро-
странял документы такого же содержания.

Так, в сентябре 1973 года изготовил и затем распространил «откры-
тое письмо» (Брежневу), в котором клеветал на советский государствен-
ный и общественный строй, отождествлял его с рабовладельчеством,
феодализмом и нацистским рейхом. (...)

В марте 1976 года написал и затем распространил статью под назва-
нием «Возможен ли социализм не тоталитарного типа?», содержащую
призывы к ревизии основ существующего в СССР строя.

В 1975—1977 годах изготовил и распространил «обращение» от 11
августа 1975 года с приложенным к нему документом под названием
«требования политзаключенных», «обращения», датированные 30 и 31
октября 1975 года, «открытое письмо...» от 19 марта 1976 года, «доку-
мент № 3», «документ № 6», заявления, озаглавленные «30 октя-
бря — день политзаключенных», «10 декабря — день прав человека»
и «документ № 17» от 14 января 1977 года, в которых клеветал на де-
ятельность советских исправительно-трудовых учреждений и условия
содержания в них осужденных. (...)

В конце 1976 года изготовил и распространил документы: «о правах
ученых», «ко всем ученым мира» и «открытое письмо к художникам»,

в которых клеветал на положение науки, искусства и условия творческой деятельности в СССР. (...)

Допрошенный в судебном заседании подсудимый Орлов виновным себя в предъявленном ему обвинении не признал. Подтвердив факты изготовления, подписания и распространения им обращений и документов, указанных в вышеперечисленных эпизодах обвинения, Орлов отрицал клеветнический характер этих документов и заявил, что цели подрыва или ослабления Советской власти он не преследовал. (...)

Подсудимый Орлов подтвердил свое участие в изготовлении указанных документов, их распространении и показал, что несет за них полную ответственность.

Несмотря на то, что в мае 1976 года ему органами государственной безопасности было объявлено официальное предостережение о недопустимости его противоправных действий, продолжал заниматься преступной деятельностью вплоть до ареста.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 301, 303, 315 и 317 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда.

Приговорила

ОРЛОВА Юрия Федоровича признать виновным по ч. 1 статьи 70 УК РСФСР и назначить наказание в виде СЕМИ ЛЕТ лишения свободы со ссылкой сроком на пять лет после отбытия основного наказания.

Меру наказания в виде лишения свободы ОРЛОВУ Ю. Ф. отбывать в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Зачесть в срок отбытия наказания время предварительного пребывания под стражей с 10 февраля 1977 года.

Меру пресечения ОРЛОВУ оставить прежнюю — содержание под стражей.

Вещественные доказательства — документы, печатные и письменные, хранить при деле.

Вещественное доказательство — пишущую машинку марки «Континенталь» № Р-256 873, изъятую при обыске у Орлова, находящуюся на хранении в следственном отделе УКГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской области — обратить в доход государства.

Взыскать с ОРЛОВА Юрия Федоровича в доход государства судебные издержки в сумме 214 рублей 35 копеек (двести четырнадцать рублей 35 копеек, связанные с расходом по оплате проезда иногородних свидетелей.

Приговор может быть обжалован или опротестован в Верховный суд РСФСР в течение семи суток с момента его провозглашения, а осужденным Орловым в тот же срок с момента вручения ему копии приговора».

Приговор Орлов обжаловал. Но без результата: Орлов был отпра-

влен в лагерь в поселок Чусовой, по странному стечению обстоятельств — на родину его матери. Вслед за ним, надеясь получить свидание со своим подзащитным, поехал и адвокат Шальман.

«И. о. Заведующего Юридической
консультацией № 5
тов. Писаревскому П. Е.
адвоката Шальмана Е. С.

Докладная записка

В соответствии с выданным поручением на ведение в порядке надзора дела Орлова Ю. Ф., осужденного Мосгорсудом 18 мая 1978 г. по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР, 2.07.79 я прибыл в учреждение, где Орлов отбывал наказание (пос. Половинка, Чусовского района Пермской области). По прибытии в учреждение я представился зам. начальника учреждения капитану Вдовину А. И., предъявил ему командировочное удостоверение и ордер, после чего мне было предложено ожидать свидания. По прошествии 4-х часов ожидания на дворе, у входа в служебное помещение, капитаном Вдовиным мне было заявлено, что, несмотря на его старания, предоставить мне свидание в этот день «не получается», и мне было предложено явиться утром следующего дня, т. е. 3.07.79.

В 9 ч. утра я вновь пришел в учреждение. Капитан Вдовин просил меня ожидать, и в 10 ч. 30 мин. я был проведен дежурным офицером в его кабинет. В кабинете, кроме приведшего меня офицера, находился сам капитан Вдовин и еще один офицер, который и вел со мной беседу. Незнакомый мне офицер начал с того, что рассказал мне о дурном поведении моего подзащитного в месте отбывания наказания: (он) объявил себя членом «какой-то Хельсинкской группы», «имеет многочисленные взыскания», «склонен к провокации» и т. п. После этого офицер предложил мне расписаться в книге об ознакомлении меня с Указом об ответственности за незаконную передачу осужденному каких-либо предметов и Правилами посещения лиц, находящихся в местах лишения свободы. Это требование было мной выполнено, было выполнено мной и другое требование — оставить в кабинете Вдовина портфель с личными вещами. На вопрос офицера — какие вещи я возьму с собой на свидание — я ответил, что при себе буду иметь Уголовный, Уголовно-процессуальный и исправительно-трудовой кодексы и писчую бумагу. Офицер сказал на это, что бумагу мне взять с собой не будет разрешено, что таковой я буду обеспечен в избытке, находящиеся же при мне кодексы им было предложено дежурному офицеру проверить. Затем незнакомый офицер, указывая мне на дежурного офицера, заявил, что тот проведет и мой личный досмотр. На мои возражения, что на таковой досмотр, который я считаю обском, я согласиться не могу, поскольку данные действия противоречат закону, незнакомый офицер ответил, что он руководствуется действующими в учреждении правилами.

После такого заявления мне не оставалось ничего, иного как сказать, что обыскивать себя я не позволю и на таких условиях от свидания отказываюсь. На это последовал ответ: «Как хотите!» Я был вынужден отказаться от свидания и не выполнил поручения.

Адвокат Е. Шальман

16 июля 1979».

Из семи лет заключения чуть ли не год Орлов провел в карцере — «нарушал» распорядок: собирал материал о положении заключенных, вступался за их права, пытался писать научные работы (что было строжайше запрещено) и даже ухитрился передать на волю статью по волновой логике, распространив квантовую логику на гуманитарную сферу. Орлов является основоположником этого направления науки.

* * *

Ссылка в далекое якутское село Кобяя у полярного круга...

Одними из первых поехали навещать Орлова в ссылке его друзья и коллеги по Институту теоретической и экспериментальной физики, доктора физико-математических наук Е. К. Тарасов и Л. А. Пономарев.

— Добирались до Кобяя больше недели. Юрий выглядел плохо. В лагере болел воспалением легких. Тосковал по семье, сыновьям. Его угнетала оторванность от научной информации. Но внешне Юрий был спокоен, как всегда, прост, вежлив, шутил, как и раньше, широко и беззлобно улыбаясь, — рассказывает Евгений Куприянович Тарасов.

Сначала местные жители его встретили в штыхы. Еще бы — американский шпион. Потрудились сотрудники КГБ, распространяя про Юрия Федоровича всякие небылицы. Никто не хотел сдавать ему жилье. Один раз его жестоко избили, не без науськивания тех же лиц.

Работать Орлову разрешили только сторожем. Он днем охранял стройматериалы, которые ночью вообще никто не охранял. Мы опасались, что ночью эти материалы разворуют, а отвечать придется Юрию, все на него спишут.

Постепенно лед недоверия между ссылкой профессором и местными жителями таял: Юрий Федорович был весь на виду. Он не заискивал, не пытался подделаться, но именно поэтому ему начали доверять. Приходили поговорить, посоветоваться, расспрашивали про Сахарова, Солженицына, с которыми Юрий Федорович был знаком. В печати их продолжали клеймить, но народ этому уже не верил. Я думаю, Орлова в селе Кобяя хорошо вспоминают.

Жилье ему сдала в своей избе замечательная женщина Тамара Алексеевна. Добрая, мудрая. Горько, что из-за дружбы с Юрием Федоровичем она пострадала. Отняли дом, а потом и вообще снесли его...

Половина срока ссылки осталась позади. И тут происходят события, по своей стремительности и таинственности напоминающие детективную историю.

Однажды в дверь к Орлову постучали. На пороге стоял военный. «Собирайтесь!» «Куда?» Военный пожал плечами: «Час на сборы».

Поехали на аэродром. Сначала летели на маленьком гражданском самолете, потом пересели на военный. Сопровождающие передавали Орлова из рук в руки.

Под крылом самолета — Северный Ледовитый океан. Куда его везут? Орлов терялся в догадках. Меняют место ссылки?

Внизу океан сменился тайгой. Под облаками проглядывали леса, поля, города. Его везли в Москву!

Снова знакомая Лефортовская тюрьма. Теперь Орлов не сомневался: его ждет новый срок.

Первый же допрос подтвердил догадки. Следователь упомянул о помощи политзаключенным.

На третий день Орлову неожиданно сообщили, что его лишают советского гражданства и высылают из страны. «Куда?» Молчание. И лишь в самолете, когда Юрий Федорович оказался рядом со своей женой Ириной Валитовой, он узнал, что его высылают в США. Навсегда.

Шел сентябрь 1986 года.

* * *

Душный жаркий июнь 1989 года. Мы сидим с Орловым за обеденным столом в тесной уютной московской квартире Тарасовых. Включен телевизор. Идет прямая трансляция со Съезда народных депутатов, и все с напряжением следят за выступлениями.

Орлов прилетел по приглашению новосибирского Института ядерной физики, в котором некогда защищал докторскую, на конференцию по ускорителям. Однако, несмотря на перестройку, в стране все оказалось непросто. Неожиданно в Женеве он узнал, что его советская виза аннулирована. Потребовалось вмешательство вице-президента АН СССР академика Е. П. Велихова. Все это заняло время, и конференция кончилась до приезда Орлова. Но он не в обиде. Счастлив, что он в Москве, увидал сыновей, друзей.

— Когда меня привезли из Кобя в Лефортовскую тюрьму, я не сомневался: мне, как говорят в лагерях, клеют второй срок, — вспоминает Юрий Федорович. — Это пытались делать еще в лагере по статье «за помощь политзаключенным». Андропов ужесточил закон в этом отношении. К нему, кстати, из-за меня обращался не только академик Капица, была мощная поддержка зарубежных физиков. Официально проси-

ло о моем освобождении так называемое общество ученых «SOS». Но Андропов неизменно отвечал: «Пусть еще посидит». В Якутию, в ссылку меня отправили уже после его смерти, в 84-м.

— Как вы восприняли решение о высылке из страны? — спрашиваю я Орлова.

— С тупым спокойствием, безразличием воспринял я известие о высылке из страны. Очень устал. Сказались и 7 лет лагеря, и ссылка, и волнения последних дней. Потом пришло удивление. Я пытался понять, чем это вызвано.

Лишь в самолете Ирина все объяснила мне и про мирные переговоры, и про американца Данилоффа, которого мы только что освободили, популярно объяснила, что я «довесок» к этому. Потом я уже прочел «Договор об освобождении некоего Орлова».

Пока я сидел и был в ссылке, ученые США и Европы не переставали выступать в мою защиту. В 1986 году, например, ускорительщица ЦЕРНа в знак протеста не поехали в СССР на международную конференцию. Нобелевский лауреат Джордж Уолд, крупный деятель в борьбе за мир, будучи на приеме у Горбачева, просил о моем освобождении.

Но высылка — не освобождение. Я и теперь скажу: лишение гражданства — жестокое наказание. Меня лишили Родины, детей, друзей. Лишили моей культуры, языка...

— Как встретили вас в Нью-Йорке?

— Собралась огромная толпа народа — ученые, журналисты, просто любопытные. Четыре дюжих черных полисмена с трудом прокладывали нам с Ириной дорогу.

Здесь же в аэропорту я сделал краткую пресс-конференцию. Объяснил, что прибыл не по своей воле, что меня выслали, лишили гражданства. Мы с Ириной Валитовой ответили на вопросы...

Я глубоко благодарен Ирине. Она самоотверженно поддерживала меня всегда, когда мне было трудно. И в тюрьме, и в лагере, и в ссылке, и на первых порах в Америке. Потом она вернулась в Москву.

— А вам трудно приходилось?

— Сначала очень. Когда меня спрашивали об этом, я обычно отвечал: «Здесь легче, чем в лагере, но труднее, чем в якутской ссылке». Ведь такая наука, как физика, развивается стремительно, а я был оторван от нее десять лет. Конечно, я и в лагере пытался работать думать, это сохраняет мозги. Но изоляция от научной информации не прошла бесследно.

— Вы владели английским?

— Знание языка было пассивным, в основном я только читал научные работы по физике и математике. В тюрьме и в лагере строгого режима, как вы понимаете, я не мог усовершенствовать английский, наоборот, подзабыл.

В первое время приходилось работать чудовищно много. Мне сразу предложили лабораторию в Корнельском университете по моей специ-

альности. Но, чтобы работать, надо было преодолеть пропасть длиной в десять лет...

— Как вы преодолели ее?

— В один прыжок, — шутит Юрий Федорович. — Другого выхода у меня не было. Сейчас работаю в Корнельском университете, пишу научные статьи по волновой логике, продолжаю свои исследования по ускорителям в ЦЕРНе, в Женеве. По-прежнему занимаюсь общественной правозащитной деятельностью. Только теперь — легально. Как член группы при ООН по наблюдению за соблюдением Хельсинкских соглашений по правам человека, встречался с крупными политическими деятелями ряда стран — с Рейганом, Тэтчер, Миттераном...

— Жизнь нельзя переписывать набело, но если бы начать все сначала, вы написали бы то письмо Брежневу?

— Да, написал. Оно было для меня важно, чтобы подытожить свои собственные мысли. Многие понимали, что страна зашла в тупик. Я тоже понимал это, думал, как выйти из тупика... Я искал выход, а не идеал. И сегодня я другого пути не вижу. Но сегодня я стал бы говорить не об отдельных сторонах экономической, научной и политической жизни страны, а о системе в целом. За последние пятнадцать лет, включая лагерь и ссылку, я поумнел.

— Какие планы у вас в Москве?

— Они уже почти выполнены. Я повидал сыновей, которых мне так не хватает, друзей, коллег-физиков. Был на семинаре в Институте теоретической и экспериментальной физики. Время летит мгновенно.

— Почувствовали ли вы изменения в стране в связи с перестройкой?

— Конечно! Все то, о чем мы шептались по квартирам, теперь говорится открыто. Даже больше.

Я ходил по улицам, был на митингах. Люди стали более внутренне свободными. Внешне — пока нет.

С интересом слушаю выступающих на Съезде народных депутатов. Раньше за такие речи попадали в тюрьму... А экономические и литературные статьи, что тайно ходили по рукам, теперь печатает «Огонек», сказали бы раньше — не поверил. Мир поворачивается к лучшему.

ЭПИЛОГ

«В Верховный суд СССР

К вам обращаются сотрудники Института Теоретической и Экспериментальной физики по делу Ю. Ф. Орлова, осужденного в 1979 году Московским городским судом по ст. 70 УК РСФСР.

Ю. Ф. Орлов — физик мирового класса, работал в ИТЭФ с 1952 по 1956 г. Он пришел в науку трудными дорогами 30—40-х годов: детство в рабочей семье, ранняя смерть отца, гибель на фронте отчима, артилле-

рийское училище, последний месяц войны на фронте и, наконец, в 1946 г. демобилизация и физфак МГУ.

Энергия, выдержка, дружелюбие, абсолютное чувство чести, презрение к трусости и мощный талант исследователя — так говорят о Ю. Ф. Орлове люди, знающие его почти 40 лет. Время испытало все эти качества: в 1956 г. завершена диссертация, заложившая основу нелинейной динамики в физике ускорителей, и в это же время — смелое выступление на партийном собрании института за необратимость линии XX съезда, за восстановление чести и достоинства граждан, за демократический путь развития страны. И тут же Ю. Ф. Орлов получает первый урок столкновения с тоталитарной властью — исключен из партии, уволен с работы.

Дальнейший научный путь Ю. Ф. Орлова связан с физическим институтом Армянской АН. И опять могучий темп: 1958 г. — кандидат, 1963 г. — доктор физико-математических наук, 1968 г. — член-корреспондент АН АрмССР, запуск уникального ускорителя, выдвижение на Государственную премию.

С 1972 г. Ю. Ф. Орлов снова в Москве, сотрудник ИЗМИРАН. Но ученый не может примириться с очевидным для него фактом: укрепление тоталитаризма загоняет страну в тупик. Защищая от травли академика А. Д. Сахарова, Ю. Ф. Орлов пишет открытое письмо Брежневу (следует немедленное увольнение с работы), активно участвует в правозащитном движении. Весной 1976 г. Ю. Ф. Орлов организовал и возглавил группу Содействия выполнению Хельсинкского Акта. Арест, как и было ему обещано представителем КГБ, последовал в феврале 1976 г.

Замечательно то, что годы общественной деятельности не изменили основной, природной сущности Ю. Ф. Орлова — страсти к научной работе. Безработный с 1974 г., он ведет постоянный научный домашний семинар. Последняя предлагаемая научная работа Ю. Ф. Орлова вышла в 1978 г., а первая послелагерная была прислана из сибирской ссылки.

Давая характеристику Ю. Ф. Орлову как ученому и гражданину, мы не просим помилования «за заслуги». Наоборот. Мы выражаем недоверие к самому факту привлечения его к уголовной ответственности по ст. 70 УК. Все, что мы знаем о Ю. Ф. Орлове, говорит о том, что он не только НЕ СОВЕРШАЛ, но и НЕ МОГ совершить преступление.

Формально о суде над Ю. Ф. Орловым мы знаем по публикациям в газетах. Лживые и оскорбительные по отношению к Ю. Ф. Орлову, эти публикации, как ни парадоксально, дают в сущности правильную информацию о характере самого процесса: в мае 1978 г. под председательством В. Г. Лубенцовой был разыгран фарс, пародия на судебный процесс. Именно эти публикации позволяют нам выразить недоверие к приговору.

Но мы знаем и больше. Суд и приговор по делу Ю. Ф. Орлова находятся в непосредственной связи с судами 70-х годов по политическим статьям. Мы знаем, что наличие самих этих статей в УК вызывает про-

тест юристов. Мы знаем имена людей, осужденных по этим статьям, но оправданных ныне и юридически, и, что важнее всего, морально. Общество признало право граждан на публичную критику. Более того, нас призывают к участию в общественном контроле за соблюдением Советским правительством обязательств по международным соглашениям — именно к тому, чему и была посвящена вся общественная деятельность Ю. Ф. Орлова. «Вина» его только в том, что он на десятилетие опередил то, что ныне называется **НОВЫМ МЫШЛЕНИЕМ**. Но это **НОВОЕ** родилось не само по себе, а оплачено страданиями тех, кто не смог промолчать, когда остальные мудро ждали.

Мы надеемся, что объективное рассмотрение в Верховном Суде СССР дела Ю. Ф. Орлова оправдает его. Полная реабилитация Ю. Ф. Орлова и возврат ему гражданства СССР явились бы примером обновления жизни общества в едва ли не самой существенной ее части — правосознании его граждан.

Мы просим рассматривать это письмо, как официальное ходатайство о возбуждении в Верховном Суде СССР пересмотра решения Московского городского суда по делу Ю. Ф. Орлова от 14 мая 1978 года».

(140 подписей сотрудников ИТЭФ)

... Дело Орлова еще не пересмотрено. Трудовой коллектив Института теоретической и экспериментальной физики только возбуждает ходатайство об его реабилитации. Но книгу эту мне хочется закончить словами самого Юрия Федоровича: «Я глубоко убежден, что и народ, и государство должны исповедовать определенные нравственные принципы... Это любовь к Родине и это человеческая совесть...»

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вместо предисловия	3
Взывающий	9
Узник совести	25

БЕЛЕЦКАЯ Ванда Владимировна

СУДЬБА И СОВЕСТЬ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 19.09.89. Подписано к печати 10.11.89. А. 00407.

Формат 70 × 108¹/₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,26

Тираж 150000 экз. Зак. № 1240. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● МУЗЫКА — ЭТО «РОМАНТИКА»

«Романтика-МЭ 222 стерео» — это высокое качество звучания, современный дизайн.

Магнитоэлектрон «Романтика-МЭ 222 стерео» включает в себя:

- усилитель;
- электропроигрывающее устройство;
- кассетный магнитофон;
- две акустические системы.

Техническая характеристика

Максимальная выходная мощность, Вт	2 × 10
Диапазон воспроизводимых частот по электрическому напряжению, Гц	40 × 18 000
Коэффициент гармоник, %, не более	0,7
Частота вращения диска ЭПУ, об/мин	33,3; 45
Коэффициент детонации магнитофонной панели, %, не более, на скорости 4,76 см/с	0,2
Диапазон воспроизводимых частот магнитофонной панели, Гц, на скорости 4,76 см/с	40—16 000
Акустическая система типа 10АС—207, штук	2
Напряжение питания, В	220
Габаритные размеры, мм	460 × 350 × 350
Масса без акустической системы, кг, не более	18
Цена — 595 рублей.	

ПО «Монолит»
Центральное агентство «Реклама»